

Вспомнить Все

Эрнисов Алмаз

16+

Алмаз Эрнисов

Вспомнить все

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Эрнисов А.

Вспомнить все / А. Эрнисов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Что делать, когда ты, попав в аварию, ничего не помнишь — ни кто ты сам, ни кто твои друзья и враги, чем ты жил до злополучного дня? Начинать жизнь с чистого листа или попытаться разобраться в своем прошлом, даже если ты попадешь в эпицентр стремительно закручивающихся загадочных, порой кровавых событий?

Содержание

Глава I	5
Глава II	28
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Глава I Рождение

Англичане говорят: «родился с серебряной ложкой во рту». Русский вариант звучит иначе: «родился в сорочке». У меня особый случай – я родился в пижаме.

Вполне серьезное заявление, но требующее некоторых пояснений. Речь идет о втором рождении. Что касается первого, то я о нем ничего не знаю. Не знаю, и все тут, хоть убейте меня.

Страшно я появился на свет. В муках, в тяжелых муках. Кошмары преследовали мой больной усталый мозг. Плающий огонь, падение в бесконечную бездну и чернота. Боль не покидала меня, я сторал заживо, кричал, мечтая увидеть дно безумного чрева и разбиться вдребезги, чтобы покончить с мучениями раз и навсегда.

Но смерть не хотела принимать меня в свои объятия, она лишь насмеялась надо мной, давая понять: «погоди, еще не время; но я далеко не уйду, ты всегда будешь ощущать мое присутствие рядом с собой, когда холодок коснется твоей шеи!».

Костлявая меня не обманула: я не достиг дна бездны и не разбился. Нет. Все произошло по-другому. Мои тяжелые веки открылись, и яркий свет резанул по глазам. В ушах еще слышался удалявшийся в небытие отвратный смех, словно падающее ведро на дно колодца.

Я вновь закрыл глаза, но тут же открыл их, боясь вернуться в безмолвие. На этой половине света царили белизна и покой. Молочный туман окутывал пришельца из другого мира, и, боюсь, меня здесь никто не ждал. Мое перерождение началось с ощущений.

Первым ощущением стало тепло. Приятное и ненавязчивое. Я шире раскрыл глаза, но ничего не изменилось. Мне ничего не оставалось делать, как ждать. От напряжения тело стало влажным, и это тоже можно назвать ощущением. Туман медленно начинал рассеиваться, белое облако таяло, и появились слабые пятна, они постепенно наливались красками, и я уже различал цвета, которым не мог дать названия. Затем пятна складывались в формы, приобретая четкие очертания. Надо мной возникли лица, внимательно смотревшие прямо мне в глаза. Женщина и двое мужчин. Они стояли надо мной, как судьи, готовые вынести свой приговор.

У меня навернулись слезы, я опустил веки, стараясь проморгаться. Когда я опять открыл глаза, то одно лицо исчезло, остались два. Ничего, кроме лиц, мне увидеть не удалось. Остальное пространство оставалось белым, и одежда на этих людях белая, и стены, и потолок. Они продолжали смотреть на меня молча, неподвижно, словно манекены со вставленными живыми пытливыми глазами.

Я отчетливо услышал свой пульс, будто шар раздувался в том месте, где я чувствовал тепло, и тут же сжимался, превращаясь в крохотную точку. Я опустил взгляд вниз и увидел холеную руку, державшую мое запястье. Это она излучала магическое тепло.

Вдруг что-то прорвалось, будто между нами обрушилась стена, и в моих ушах зазвучал низкий, ровный, тихий голос. Я видел, как у мужчины шевелились губы, но звук словно возникал во мне, шел из моего нутра.

– Кажется, мы добились своего. Кризис миновал, и теперь он пойдет на поправку... Каков организм, а? Поразительная сила.

Смысл сказанного мне был непонятен, я отчетливо различал слова, и этого вполне хватало для полного счастья. Жизнь возвращалась, а что может быть прекраснее.

- Остальное за нас сделает сон, – продолжал голос.
- Дозу снотворного можно снизить, а витаминов – увеличить.

Тепло оторвалось от моего запястья, и лица исчезли. Мне стало страшно, я не хотел возвращаться в черную бездну, из которой меня вытянула эта теплая рука. Перед глазами остались только белые плавающие пятна, я чувствовал, как участилось сердцебиение, а в ушах возник протяжный гудок. Спустя какое-то время я увидел очень тонкие руки с длинными ногтями ярко-красного цвета. Красный? Да, этот цвет мне удалось определить и дать ему точное название. Он ассоциировался со словами «кровь», «огонь».

Узкие пальцы держали шприц и действовали, как щупальца. Из мглы брызнул фонтанчик прозрачной жидкости, и рука опустилась. Голова закружилась, и я опять стал куда-то падать. Передо мной возник пузырящийся разными цветами туман, а точнее, пена. Это лучше, чем черная бездна. Пузырьки надувались и лопались, на их месте вырастали новые, а потом – тишина. Бесконечно долгая тишина. Небо без солнца, земля без горизонта, часы без стрелок, плавающие в пространстве, они то удалялись, то приближались.

Сколько продолжалось это состояние, сказать невозможно. Спасение пришло неожиданно. Я вновь почувствовал знакомое тепло на запястье и открыл глаза. Тот же голос сказал:

- Меня зовут Илья Сергеевич. Я ваш доктор.

Слова доносились до меня, как эхо из глубокой бочки. Он немного помолчал и продолжил.

- Если вы меня поняли, то отведите взгляд вправо.

Я его понял, но не знал, как и куда отводить взгляд.

– Ничего страшного. Я вижу по вашим глазам, что вы меня понимаете. Только не пытайтесь заговорить, это преждевременно. У нас масса времени, мы успеем наговориться. А сейчас надо спать. Сон – лучший лекарь.

Лицо исчезло, и на его месте остался белый потолок. Он давил на меня. То ли потолок ходил ходуном, то ли я раскачивался на качелях. Мне хотелось отвести взгляд в сторону, но я боялся, всего боялся и чувствовал себя беспомощным и терялся в пространстве, от чего быстро уставал и проваливался в сон.

С каждым пробуждением мне становилось лучше. Меня уже не мучили кошмары, и я не знаю, снились мне сны или нет. На этот раз у меня хватило мужества повернуть голову к свету.

Окно, сквозь которое проглядывало голубое небо, стол и она...

Женщина в белом сидела на жестком крутящемся стуле и вязала на спицах. На коленях лежали мотки с шерстью. Ее тонкий слух уловил мое движение, и она подняла глаза. Мы смотрели друг на друга, и ее взгляд, лишенный всякого выражения, наблюдал за мной, как за мухой, ползущей по стеклу. От нее веяло холодом и пустотой. Мои глаза начали слипаться, и я опять уснул. Я слишком быстро утомлялся и постоянно находился в полусознательном состоянии.

Когда я вновь очнулся, за окном стемнело. На столе горела лампа, женщина читала книгу. Мягкий свет растекался по комнате, и белизна потолка на меня не давила. Что поражало больше всего, так это отсутствие всяких ощущений. Ни страха, ни боли, ни тепла, ни холода, словно я лишился своей телесной оболочки и превратился в дух.

Я услышал, как с другой стороны скрипнула дверь, и повернул голову. В комнату вошел высокий мужчина с залысинами, лицо которого украшали бородка клинышком и тонкие усики. Когда он приблизился ко мне, я узнал его по серым выразительным глазам. С его появлением я почувствовал себя увереннее и протянул ему руку, как домашний пес тянет лапу хозяину. Скорее всего, жест чисто инстинктивный, я ждал его прикосновения, теплого и твердого, казавшегося мне эталоном надежности и прочности.

Он склонился надо мной и тихо произнес:

– Вижу осмысленность в вашем взгляде. Надеюсь, вы чувствуете себя неплохо. С каждым днем состояние будет улучшаться. Вашему организму можно позавидовать. Итак, давайте вспомним, как меня зовут? Говорить ничего не надо. Я понимаю по губам.

В моей голове что-то затрещало, будто поломались шестеренки, а в висках заломило. Впервые я попытался напрячь свою память, но, кроме горячей руки, ничего не помнил. С этого ощущения началась моя жизнь, остальное осталось в черной пропасти.

– Не стоит напрягаться. Это же пустяк. Я напому, а вы постарайтесь отложить мои слова в своей памяти. Теперь вам придется все запоминать. Итак, меня зовут доктор Розин, так короче. Имя и отчество вам пока не под силу. Доктор Розин. На первый раз хватит. А теперь спать.

Он улыбнулся и ушел.

На следующий день я увидел его снова, а может, через день, трудно сказать с уверенностью. Я существовал во времени, которое отсчитывали часы без стрелок. Зато свою оболочку я ощущал, и даже незначительный прилив сил и бодрости. Во всяком случае, моя голова крутилась по сторонам без особых усилий. Молчаливая женщина в белом делала мне уколы, которых я не чувствовал, и кормила бульоном.

Однажды, не понимая как, я произнес невнятный звук. Сначала меня это напугало, потом обрадовало. Я попытался повторить его, но, кроме шипения, ничего из себя не выдал. Услышав меня, женщина выскочила из комнаты и вскоре вернулась с доктором.

Я уже не ждал его прикосновений, а пытался вспомнить имя. Удивительно, но голова от напряжения не пухла и не стучало в висках.

Когда он приблизился ко мне, я отчетливо прошептал: «Розин». Мой голос, еще слабый и невнятный, опередил сознание. Помнил я его имя или нет, не знаю, оно само собой сорвалось с моих губ.

Он улыбался, смотрел на меня и молчал. Очевидно, я его порадовал. Взглянув на женщину, доктор тихо сказал:

– Снотворное больше не колите. Увеличьте дозу стимуляторов. – Его лицо выражало удовлетворение часового мастера, установившего стрелки на часах и заставившего маятник ходить. Взглянув на меня, он подмигнул и с важностью произнес:

– Вы совершили подвиг! Завтра потолкуем. Важно не переутомляться. Железный парень. Клянусь, я не шучу. Вы победили не только смерть, но куда большую трагедию.

Он появился вновь, как обещал, на следующий день, когда я уже выпил кошмарный жирный бульон. На сей раз он придвинул стул к кровати и сел. Мне показалось, будто он очень волнуется, как студент перед экзаменом.

– Пора нам познакомиться. Вы помните, как меня зовут?

– Доктор Розин, – ответил я слабым, но уверенным голосом.

– Отличная память. А как вас зовут?

По мне пробежал электрический ток. Спина похолодела, и я почувствовал влагу на лице. Вопрос застиг меня врасплох. Я знал только то, что я – это я.

Наблюдатель, созерцающий свое окружение и не имеющий имени. Мне не приходило в голову, что я могу из себя что-то представлять, и его вопрос, в первую очередь, поставил меня в равное положение с ним. Он человек с именем, и я человек. А значит, должен иметь имя. Прежние недуги пустились в атаку. Голова затрещала, виски застучали, и я испугался не услышать его голоса в кошмарном хаосе.

– Ну-ну-ну! Не надо так расстраиваться. В конце концов, вы только начинаете жить. Новорожденный. Поначалу многое будет непонятным, но вскоре все встанет на свои места. К счастью, ваши трудности преодолимы. Надо набраться терпения. У вас вся жизнь впереди. – Он поднял вверх руку и растопырил пальцы. – Сколько пальцев у меня?

И опять мой голос опередил сознание.

– Пять, – ответил я, не задумываясь.

– Блестяще! Старайтесь не напрягаться. Не знаете, так и не стоит мучить себя. Мы начнем с простых вещей. Школьная программа начальных классов. Потом перейдем к сложным задачам, логике, осмыслению. Вам будет интересно. Уверен. Судя по тому, как вы боролись за свою жизнь, вам захочется ее наделить смыслом и понять, что окружает вас. – Он показал мне вторую руку. – Сколько пальцев?

Я увидел две руки, но никак не мог сформулировать ответ.

– Больше или меньше?

– Нет.

– Что «нет»?

– Пять.

– Прекрасно. Вы превзошли все ожидания. – Склонив голову набок, он долго изучал меня, словно оценивал вещь – чего она может стоить. – На сегодня хватит. Вы устали.

Как только он ушел, я заснул. Наконец мне приснился сон, тяжелый и выматывающий, но это был сон, и я запомнил его.

Мне грезился пожар, полыхало пламя, а я метался в стальной клетке и задыхался от едкого черного дыма. Проснулся я от собственного крика. Женщина в белом сидела подле меня и вытирала марлевой салфеткой пот с моего лица. Я чувствовал невообразимую усталость, глаза слипались, но спать я не мог из-за страха. Приподняв опухшие веки, я увидел как перед глазами мелькнул шприц и струйка жидкости. Несколько мгновений, и очередной провал в никуда.

Все утро следующего дня я лежал и смотрел в потолок. Никакие мысли меня не беспокоили, я просто ждал.

Доктор Розин появился днем. Меня удивил его встревоженный вид. Он долго о чем-то разговаривал с моей сиделкой, стоя у окна. После беседы врач сменил маску на лице и, улыбаясь, подошел ко мне. Присев на край кровати, он взял мою руку и нащупал пульс, хронометрируя его по стрелкам часов. Мне нравился этот процесс, я чувствовал знакомое тепло и знал, что у часов есть стрелки. Меня ужасали сны с часами без стрелок в черном бесконечном пространстве, а теперь время потекло, что означало продолжение жизни.

– Где я?

Звук собственного голоса удивил меня.

– Вы в больнице. Это очень хорошая клиника для привилегированных пациентов.

Ответ я понял в общих чертах.

– Давно?

Он утвердительно кивнул головой.

– Давно? – повторил я свой вопрос.

– Здесь три недели, но в общей сложности два месяца. Это не единственное лечебное учреждение, где вы успели побывать.

– Что со мной?

– У... Об этом мы потолкуем потом. Вам необходимо набраться сил, встать на ноги и научиться думать, понимать, анализировать. То, что новорожденному не свойственно.

– Кто я?

– Хороший вопрос. Прогресс налицо. Вы уже научились хитрить. Ничего из этого не выйдет. Собственное имя вспомните сами, иначе все мои старания выеденного яйца не стоят.

– У меня сильно болит голова. Я не могу напрягаться. Мне тут же становится плохо. Я едва шевелю языком. Расскажите все сами.

– Настырный хитрец. А это уже характер. Излагаете правильно, логично. Я удовлетворен.

– Значит я серьезно болен?

– Причин беспокоиться уже нет. Самое страшное позади.

– Вы заставляете меня нервничать.

– А это уже шантаж. Не стоит на меня давить, не то я перестану к вам приходить.

– Почему? Я не требую многого.

– Ладно. Сами попросились. Расскажите мне, что вы помните?

– Я не понимаю вопроса.

– Тихо, тихо, не волнуйтесь. Вы обязаны мне подчиняться, я знаю, что делаю, а вы нет.

Лечение в вашем случае – очень тонкий и кропотливый вопрос. Если я пойду у вас на поводу, мы застрянем на месте. В таком результате никто не заинтересован.

– Все так плохо?

– Наоборот. Вас же не надо учить разговаривать. Вы отлично соображаете и не делаете ошибок в речи, не заговариваетесь и не несете абракадабру. Называете меня на «вы», помните мое имя. Так?

– Доктор Розин.

– Прекрасно. Мы будем подниматься по одной ступеньке и, только почувствовав опору, перешагнем на следующую. Так и до вершины доберемся. Но нужно запастись терпением, а не прыгать скачками на неуверенных ногах. Так недолго и вниз скатиться. Мои предупреждения не пустые слова. Надо восстанавливать силы. Ваше спасение началось с пятичасовой операции на столе хирурга, и уверяю, профессор Фаин – великий хирург, однако никто не верил в благоприятный исход операции. Он вернул вам жизнь. Потом вы перенесли еще несколько операций по пересадке кожи, затем над вами работали пластические хирурги, и только потом вы попали ко мне. За это время вы потеряли двадцать два килограмма в весе. Теперь вы понимаете, чего стоило заставить вас открыть глаза и произнести первое слово. Вы сотканы из тончайшего хрустального стекла, и любое резкое или неправильное действие может кончиться крахом. Хотите взглянуть на себя?

– Как это возможно?

– Человек создал удивительную штуку под названием зеркало. Оно отражает все, что попадает в его поле зрения. Сейчас вы увидите себя, но не думаю, что останетесь довольны собственным отражением.

Он сделал знак женщине в белом, она встала и сняла со стены небольшое зеркало. Его поставили передо мной, и приподняли подушки под головой.

То, что я увидел, меня напугало. Сначала я даже закрыл глаза, но зеркало не убирали. Меня заставили любоваться чудовищем, так называемым отражением. Начать надо с того, что большая часть головы, руки и тело были забинтованы. Из зеркала на меня смотрело белое лицо, под стать бинтам, с тонкой, как папиросная бумага, кожей с розовыми черточками шрамов, очевидно уже заживающими. На месте бровей торчали колючки; щетина, как кустики, росла только в отдельных местах. Однако глаза выглядели вполне сносно. Крупные голубые глаза с красными прожилками на белках. Посиневшие губы сжаты в узкую черную щель, похожую на мухоловку...

– Уберите.

Доктор Розин спросил:

– Кого вы видите?

– Вероятно, себя. Другого человека здесь нет. Только человеком это пугало назвать трудно.

– Месяц назад вы были куда хуже. Можете дать имя своему отражению?

– Нет.

– Правильно. Ничего похожего с оригиналом не осталось. Вас и родная мать не узнает. Я вас предупреждал. Но такой стресс вас научит быть осторожным и осмотрительным. Теперь вы понимаете, что вам понадобится немало времени, чтобы встать на ноги и стать полноцен-

ным человеком. Многое зависит от вас. Вы должны мне помогать, а не рвать на себе бинты и требовать невозможное.

Он кивнул сиделке, и та убрала зеркало.

– Неужели я таким и останусь?

– Хирурги уверяют, что в течение месяца ваше лицо станет нормальным. Кожа на руках будет заживать медленно, так как руками вы постоянно работаете. Сжимаете, разжимаете, пользуетесь, одним словом. Ноги у вас в полном порядке. Обгорела только верхняя часть туловища, и сильно пострадала голова. Нашлись доноры, за хорошие деньги вам сделали пересадку кожи и починили помятые части лица. Серьезная работа. Большое чудо, что не пострадали глаза.

– Как такое могло случиться со мной?

– Давайте отложим этот разговор. На сегодня вы и без того узнали больше положенного.

А теперь укол и сон.

– Теперь я не успокоюсь. Неужели не ясно?

Доктор встал и кивнул сиделке. Перед глазами возник все тот же шприц.

– Это издевательство!

– Не преувеличивайте. Медсестру зовут Рита. Она очень бережно к вам относится. Советую вам подружиться. Запомните ее имя.

Он ушел, а я увидел лицо Риты. Не знаю, сколько ей лет. Лицо ее меня не воодушевило. Оно было никаким, похожим на маску. Я не помню, чтобы она улыбалась. Ровное, спокойное, ничего не выражающее лицо. Волосы, убранные под чепец, очки и накрашенные губы. Куда интересней наблюдать за ее пальцами. Длинные, изящные и очень подвижные. Она ловко справлялась со шприцом и живо работала ими во время вязания.

Так ее лицо начало расплываться и превратилось в облако. Меня куда-то понесло, и я уснул. Мне снилась толпа. Люди, спешащие куда-то. Они шли в два потока, и эта цепь исчезала в пространстве. Одна половина двигалась на меня, другая в противоположную сторону. Все в одном ритме, словно маршировали, но самое ужасное заключалось в том, что у них не было лиц, их головы забинтованы и абсолютно круглые, как мячи. Они проходили сквозь меня, как сквозь облако, под ногами стелился розовый дым. Затем забинтованные шары стали лопаться, разбрызгивая кровавые сгустки по сторонам, и на месте голов образовывались черные дыры. Но они продолжали идти, словно не замечая происходящего. Людской поток начал медленно растворяться в пространстве и затягиваться дымкой.

Я открыл глаза. Моего лица коснулся солнечный луч. Сказочное избавление от очередного кошмара. Впервые за все время пребывания в сознательном состоянии я увидел солнечный луч.

– Доброе утро, Рита, – тихо сказал я.

Она сидела за своим столиком и что-то писала. Женщина оторвалась от своего занятия и взглянула на меня. Впервые я увидел улыбку на ее лице. Ее глаза словно ожили, и она показалась мне симпатичной. Манекен ожил.

– Вы помните, как меня зовут?

– Не знаю. Я даже не подумал об этом. Само собой получилось. Скажите, Рита, а когда вы спите?

– Ночью. Когда возле вас дежурит сиделка.

Голос ее звучал мягко, тихо, успокаивающе.

– Давно я нахожусь под вашим присмотром?

– Не хитрите. Мне не велено вам ничего говорить. Придет доктор Розин и ответит на все вопросы, если сочтет нужным.

Ее лицо вновь стало серьезным и непроницаемым.

– Вы знаете, кто я?

– Да.

– Почему же для меня это остается тайной?

– Доктор Розин очень опытный психиатр. Он знает, что делает. Вы должны ему доверять.

– Психиатр? А я думал – хирург.

– Хирург – доктор Фаин. Он из другой клиники, но он уже дважды приезжал и смотрел вас. Кажется, его удовлетворяет ваше состояние. «На нем заживает все как на кошке», – сказал он после последнего осмотра.

– А что лечат психиатры?

– Состояние души. Вам придется адаптироваться к новому для вас миру. Это не просто. Особенно, когда вы окажетесь на свободе, один на один с волчьей стаей.

– С кем?

Дверь открылась, и в палату вошел Розин. Он пересек комнату, пододвинул к кровати стул и сел. Я приподнялся на подушках и увидел собственное тело. Забинтованные руки лежали поверх одеяла, словно чужие, так как я их не чувствовал. Врач понимающе кивнул головой.

– Не пытайтесь узнать все сразу. Всему свое время. Лишние стрессы мешают восстановлению общего состояния. Лекарства и покой могут быть приоритетами, а отрицательная информация мешает стабилизации психики.

– Слишком сложно для моего понимания. Лекарств вы не жалеете, а информацию прячете за спину.

– Мне виднее. Попробуем сосчитать до пяти. Переключитесь на работу и сосредоточьтесь. Итак?

– Один, два, три, четыре, пять...

– Прекрасно. А теперь в обратном порядке.

– Это как?

– От пяти к единице.

Я понял, что он от меня хочет, но не мог выполнить его просьбу. На лбу выступили капельки пота, и он аккуратно промокнул мое лицо салфеткой.

– Пять, три, два...

– Мы где-то потеряли четверку. Вот видите, не стоит торопить события и загружать мозг лишним мусором. Сейчас ваши ячейки памяти пусты. Вы счастливый человек. Мы будем заполнять их заново и только тем, что приносит пользу.

– Так уж и пусты?

– Какая у вас была машина?

– Нет.

– Что значит «нет»? Я не знаю таких автомобилей. Каких домашних птиц вы знаете?

– Кошка, собака, заяц...

– Ну-ну, не преувеличивайте. Птиц среди них нет, а заяц вовсе ни при чем. Не перегибайте палку. В вашем сознании что-то сохранилось. Это радует. Но если бы вы начали с курицы или гуся, мне бы это понравилось больше.

– Вам не надоело издеваться надо мной? Кто я?

– Максим Круглов. Это вам о чем-нибудь говорит?

– Ни о чем.

– Так и должно быть. Имя и ваша прошлая биография не имеют никакого значения. Можно назвать другое, и от этого ничего не изменится. Пустые звуки. Надо развивать мышление не с пустых имен и названий, а с таких задач, которые требуют реальных решений, аналитики, расчета, логики. То, что принесет пользу и облегчит вам дальнейшее существование.

– Почему я не помню своего имени?

Он поерзал на стуле. Ему явно не хотелось разговаривать на эту тему.

– Произошло несчастье. Вы попали в автомобильную катастрофу. Погибли три человека. Вас выбросило из машины, что сохранило вам жизнь, но при этом вы получили серьезную травму головы и сильно обгорели.

– Как же это случилось?

– Не все сразу. С вас хватит полученной дозы отрицательных зарядов. Потом я читаю вам газеты, где описаны подробности, но не теперь. Содержание статей вас порадует так же, как зеркало, которое вас напугало. Психика травмирована, и нам надо ее выправлять, а не нагружать.

– Когда это произошло?

– Девятого июля.

– А сегодня какое число?

– Четырнадцатое сентября.

Я попытался произвести какие-то вычисления, но ничего не получилось. Июль. А что потом? Месяц – мне понятно, но сколько дней в месяце я не мог вспомнить.

– Уже хорошо. Я вижу вашу работу. Но задача не из легких, правда?

– Июль, август, сентябрь, – начал я подсчет.

– Согласен. Ну а дальше?

– Сколько дней в месяце?

– Возьмем ровное число. Тридцать, – он улыбнулся.

– Двадцать один до конца июля, тридцать в августе и четырнадцать в сентябре. Шестьдесят пять дней моего пребывания в больнице.

– Великолепно. Ну просто Лобачевский. Точнее, шестьдесят семь дней. Но это мелочи.

– Где находится больница?

– В сорока километрах от Москвы. Когда-то здесь располагалась усадьба князей Долгоруких. Тут чудные места и хорошая природа.

– Психиатрическая больница.

– Когда речь идет о мозге и нарушении его функций, то к лечению привлекают психиатров. Доктор Фаин предполагал, что с такой травмой, как у вас, неизбежна амнезия. Он оказался прав. Хотя и они, и я предполагали худший исход.

– Амнезия? Что это за болезнь?

– Потеря памяти. Причин может быть много. В данном случае речь касается черепно-мозговой травмы. Нередко дело кончается потерей речи и полной деградацией пациента. Но, слава Всевышнему, в вашем случае обошлось. У вас не самая тяжелая стадия.

– Я вылечусь?

– Сейчас трудно прогнозировать. Важно другое. Вы полноценный человек, лишенный прошлого. Вернется оно к вам или нет, не столь важно. Очень многие люди готовы отдать все, чтобы избавиться от прошлого и начать жизнь заново. Вам такая возможность представилась. Стоит ли сожалеть? Ну хватит об этом. Продолжим урок. Один, два, три, четыре, пять. Теперь назад.

– Пять, четыре, три, два, один.

– Как вас зовут?

– Максим Круглов.

– Сколько месяцев в году?

– Двенадцать.

– Отменно! До вечера.

Он встал и вышел из палаты.

Я взглянул на Риту. Она улыбалась.

Уснуть я не мог, и все думал о нашем разговоре. Мне так и не удалось переварить всю полученную информацию. Мозг постоянно спотыкался, пробуксовывал, и приходилось начи-

нать все снова. Мое имя – абсолютно чужой для меня набор букв, слитых в ритмичный звук. Такой же чужой, как имя медсестры. Я не имел ничего против Максима Круглова, мне даже нравилось это имя, жаль только, что оно принадлежит такому уроду. Я бесконечно повторял его, шепча губами, и в конце концов заснул.

Мне снилась природа, солнце и цветы. Впервые за мое осознанное существование сон меня порадовал. Я проснулся, когда за окнами стемнело и, можно сказать, с хорошим настроением. Состояние доселе мне незнакомое и непонятное.

Вскоре появился доктор Розин.

В руках он держал несколько свернутых газет. Его лицо выражало некоторую озабоченность, над переносицей между кустистых рыжих бровей образовалась глубокая вертикальная складка. Устроившись рядом, он молча развернул одну из газет, и, надев очки, глянул на меня из-под узкой черной оправы. Мне показалось, он ждет какого-то сигнала с моей стороны. Готов ли я слушать?

– Здесь написано о катастрофе?

– Именно. Запомнили наш утренний разговор?

– Я только о нем и думал.

– Напрасно. Голова должна отдыхать. Постарайтесь расслабиться и слушайте, как это делают дети, когда им читают сказки.

– Рад бы, но я ничего не знаю о детстве.

– Верно. Временно вы лишены детства. Вы родились в возрасте тридцати четырех лет, вполне взрослым человеком. Но рано или поздно память вернется вместе с детством, ошибками, успехами и старыми проблемами. Не всегда прошлая жизнь радует, иногда от нее хочется отмахнуться, как от назойливой мухи.

– Читайте, доктор.

Он видел мое нетерпение и переключился на газету:

"Девятого июля сего года на объездной дороге, что временно открыта для пользования в связи с ремонтными работами на Старопромысловском шоссе, произошла серьезная дорожно-транспортная авария. Надо сразу оговориться, что дорога очень ненадежна, а предупреждающие знаки автоинспекцией не выставлены.

Она проходит вдоль глубокого, заброшенного много лет назад песчаного котлована и была вырублена для самосвалов, перевозивших глину и песок из глубин разработок. Впоследствии котлован заполнился водой, и на глубине свыше двухсот метров образовалось озеро, куда сбрасывали отходы производства все близлежащие предприятия. Местные жители называют старый вонючий котлован не иначе, как гиблым местом или могильником. И все это находится в каких-то восьмидесяти километрах от столицы. Там уже случались аварии: прошлой осенью две машины просто соскользнули в пропасть по размытой дождями глинистой поверхности. Однако власти не приняли должных мер. Старое шоссе перекрывают третий раз за год. Асфальт проваливается в пустоты, и виновник тому – котлован, где по весне бывают оползни. Объезд в двенадцать километров возможен только через опасный котлованный путь. Однако не каждый смельчак решается ехать гиблой дорогой. Объезда с левой стороны нет, мешает река, мост через которую строят уже шесть лет, но безуспешно. Новая трагедия никого не удивила, а власти продолжают отмалчиваться. Но, кажется, на этот раз без громкого скандала не обойтись. Человеческие жертвы администрацию района не пугают, но когда выясняется, что в катастрофе погибает нефтяной олигарх – тридцатитрехлетний Тимур Аракчеев, то

ждите неприятностей. Сын крупнейшего нефтемagnата, недавно умершего Александра Аракчеева, его наследник и продолжатель дела отца так и не смог приступить к своим обязанностям главы компании. Он пережил своего отца всего на тридцать девять дней. Начатое следствие всячески скрывает подробности происшествия. Но нашему корреспонденту Евгению Метлицкому все же удалось выяснить некоторые подробности. Читатели хорошо знакомы с репортажами Метлицкого и доверяют его авторитетным статьям и комментариям. В данном случае редакция ничего не утверждает и не может опираться на достоверные источники. Мы лишь предлагаем версию событий, которую выдвигает Метлицкий.

Девятого июля новоиспеченный magnат Тимур Аракчеев и его друг, он же генеральный директор нефтяной компании «Рикор-нефть» Максим Круглов, уходили от преследования патрульной милицейской машины, которой управлял лейтенант милиции, оперуполномоченный Центрального округа столицы Федор Астахов. Причины злополучной гонки остаются неизвестными. Перегороженное бетонными балками шоссе вынудило беглецов свернуть на объездной путь через котлован, где даже бывалые водители, знающие дорогу, стараются ездить на черепашьей скорости с большой осторожностью. Извилистая дорога, сотканная из крутых поворотов, похожая на серпантин, просматривается лишь на короткие отрезки от поворота до поворота, остальное скрыто крутыми откосами известняка, похожими на скалистые горы Военно-Грузинской дороги. Трагедии избежать не удалось. Из-за поворота выехала «волга» калужского предпринимателя Евгения Харского. «Линкольн-навигатор» беглецов со всего маху впечатался во встречную машину. Столкновение стало роковым. «Волга» Харского врезалась в крутой откос и загорелась. На нее тут же рухнула отколовшаяся глыба известняка и превратила машину в лепешку. «Линкольн» Аракчеева соскользнул с дороги и полетел вниз. Его задержала площадка под обочиной тремя метрами ниже. Машина перевернулась несколько раз и уперлась в камень, что спасло ее от падения в котлован, где на глубине около двухсот метров плещутся мутные воды зловонного озера. Машина тут же загорелась.

Гнавшийся за «линкольном» лейтенант Астахов не успел затормозить и врезался в заваленную «волгу» калужского предпринимателя. Удар был такой силы, что рулевое колесо продавало грудь офицера до позвоночника. Смерть наступила мгновенно. Через некоторое время аварию заметил пилот «кукурузника», орошавшего сельскохозяйственные поля в близлежащих районах. Он и вызвал помощь, сообщив о катастрофе в районное управление внутренних дел. Помощь подоспела не сразу, но врачам удалось спасти жизнь чудом уцелевшего Максима Круглова. Очевидно, его выбросило из машины, он получил тяжелые травмы и ожоги, но остался жив. Что касается владельца машины, то Аракчеев сгорел вместе со своим «линкольном». По выражению Метлицкого, судьба отомстила Аракчееву за убийство собственной жены Екатерины Кислицкой. Но это уже отдельная история.

Вопрос в другом. За что судьба наказала ни в чем не повинного предпринимателя из Калуги и выполнявшего свой долг лейтенанта Астахова?

Следствие по делу об аварии ведет областная прокуратура и отдел ГИБДД области.

О ходе расследования мы будем давать подробные отчеты, если только нас допустят к информации. А пока двери правовых структур крепко закрыты

от нашествия журналистов. Оно и понятно: когда речь заходит о таких олигархах, как клан Аракчеевых, нам, смертным, знать ничего не положено. Ведь здесь задействованы колоссальные деньги, это вам не разборки на столичных рынках".

Доктор Розин отложил газету в сторону.

– Печальная история. Не правда ли?

Я промолчал.

– Во время моего чтения у вас не возникло каких-либо ассоциаций. Может, что-то промелькнуло в сознании?

– Нет. Но огонь меня преследовал постоянно, пока я не пришел в сознание. Имена и названия мне вовсе не понятны. По всей видимости, мне нужно видеть человека. Когда вы появились в прошлый раз, я тут же вспомнил ваше имя, как само собой разумеющееся. Когда вас не было, имя вычеркивалось из сознания.

– Вам нужен визуальный ряд. Понятно. На первых порах это нормально. Память еще не развита, а зрительная память обострена.

– Тут говорится об убийстве жены, погоне, милиции, но нет подробностей. Почему погоня, кто такая Екатерина Кислицкая?

– Не говорится, потому что об этом писали в дни убийства все газеты, в том числе тот журналист, Метлицкий. Но это случилось двадцатью днями ранее катастрофы. Сейчас я вам прочту выдержку из более старого номера.

Он раскрыл газету и прочитал:

"Вчера, восемнадцатого июня, в полночь, в одном из номеров гостиницы «Балчуг» был найден труп Екатерины Кислицкой-Аракчеевой. Не стоит напоминать о недавней помпезной свадьбе на экзотических островах между Аракчеевым-младшим и Кислицкой. Об этом писали и говорили все и везде.

Расследование дела поручено московской прокуратуре и уголовному розыску Центрального округа столицы. Начальник УГРО майор Денис Лиходеев известен как опытный и бескомпромиссный сыщик. На его счету десятки раскрытых уголовных дел, и работает он быстро и жестко. В ту роковую ночь ему удалось выяснить, что муж Кислицкой ушел из ее номера за десять минут до того, как обнаружили труп женщины. Лиходеев раскопал и другие подробности.

Ему стало известно, что Екатерина намеревалась развестись со своим знаменитым мужем. Стоит оговориться. При разводе Кислицкой по закону отходит половина состояния мужа. А сколько тридцатитрехлетний Тимур Аракчеев унаследовал от отца, никто не узнает.

Екатерина Аракчеева найдена в спальне апартаментов, с ножевым ранением груди, совершенно обнаженной. Трудно поверить, что она в таком виде принимала в своем номере посторонних. Судя по словам служащих отеля, Тимур с одиннадцати вечера приблизительно до двенадцати находился у жены, а соседи по номеру слышали шум за стеной – было похоже, что между молодоженами разразился скандал.

Это укрепляет версию майора Лиходеева.

Других подробностей нам выяснить не удалось. Но ясно одно: Тимур Аракчеев остается подозреваемым номер один".

Доктор Розин отложил газету в сторону.

– Вот собственно и все, что мне известно. Следствие может ошибаться, а у газет язык без костей. Они падки на сенсации и обожают выдавать желаемое за действительность. Рынок.

Пресса борется за каждого читателя и порой городит такое, что не укладывается в голове. А что вы думаете на сей счет?

– Ничего. Я слишком далек от всего этого. Убийство, большие деньги, скандал, свадьба, наследство.

– Вы очень быстро, к сожалению, поймете, что значат деньги в этом мире. Они будут окружать вас всюду, на каждом шагу, как только вы выйдете за ворота клиники и окунетесь в мир людей. Может быть, понятия «искусство», «литература», «наука» так и останутся для вас пустым звуком, но деньги? Без них никуда не денешься. Я всего лишь врач и не могу вас подготовить к встрече с проблемами, которые ожидают вас по ту сторону ограды. Но я постараюсь научить вас анализу и логике. Правда, перед деньгами ничего не может устоять. Это страсть, перед которой разум отступает на задний план. Завтра вас навестит ваш адвокат. Он в этих делах понимает больше меня и многое сможет объяснить.

– Мой адвокат?

– Совершенно верно. Его зовут Гольдберг Антон Романович. Вы знакомы очень давно и всегда были друзьями. Очень влиятельный человек, большой авторитет, богат и всегда был предан вашей компании и семейству Аракчеевых.

– Когда же он придет?

– Он бывает здесь ежедневно, но не заходит в палату. Это преждевременно. Я не хотел, чтобы он видел вас в беспомощном состоянии. Сейчас вы вполне окрепли, и вам пора на свежий воздух. Рита покатает вас в кресле по парку.

Он улыбнулся и ушел.

Все было так, как он сказал. Моя заботливая, но молчаливая сестра, хранительница моего здоровья, возила меня в кресле-каталке по тенистым аллеям чудного парка с высоченными деревьями. Я вдыхал чистый воздух свободы и аромат цветов. Радовался чистому небу и пению птиц. Тем не менее, мне не удавалось выбросить из головы статьи, прочитанные мне доктором Розиным. Убийство, автокатастрофа, бессмысленная гибель людей. Я понимал весь ужас происшествия, но не осознавал его в полной мере, как, скажем, мой врач или те люди, что стали свидетелями события. Мое обновленное сознание не могло заставить меня поверить в то, что я был участником всего этого кошмара. Возможно, Всевышний меня пожалел: спасая мне жизнь, он отнял прошлое и избавил этим от мучительных воспоминаний. Я ничего не знаю о жизни, ждущей меня за воротами клиники. Пусть я многого не понимаю, но мне не надо объяснять, что такое автомобиль, огонь, магазин... Я ехал в коляске и смотрел на забинтованные руки, которых не чувствовал, и сомневался, есть ли они у меня...

– Поехали домой, Рита. У меня кружится голова. Я устал.

Она молча развернула кресло, и вскоре я вновь очутился в своей кровати, в обычной для себя позе. Привычная обстановка меня успокоила, и я быстро заснул. На этот раз мне ничего не снилось.

Я ждал этого человека. Не знаю почему, но даже волновался. Мой адвокат!

Слишком напыщенно и громко звучит. Мне часто снилась толпа, большая и бездушная, но я плохо себе представлял людей по отдельности, все женщины мне представлялись Ритой, а мужчины – доктором Розиным. Любая встреча с новым лицом мне казалась невероятно интересной и в то же время настораживала.

Они пришли к полудню. Я с жадным любопытством разглядывал вошедшего с доктором человека. Он выглядел не молодым и не старым, очень высоким и крупным, как гора. Нос, уши, густые посеребренные сединами волосы, широкий лоб, безукоризненная аккуратность, с которой был завязан галстук, строгий костюм, гладкие щеки. В правой руке он держал элегантную трость из темного дерева с костяным набалдашником. Но больше всего меня интересовали его глаза.

Темно-карие, влажные и, как мне показалось, очень добрые. Эталон благополучия и здоровья. Возможно, я ошибался, но у меня не было других примеров для сравнения. Вчера вечером Рита принесла мне кучу журналов, и я разглядывал яркие цветные фотографии людей, городов, машин. Читать я еще не мог. Буквы расплывались, но несколько заголовков с помощью медсестры я одолел. Надо сказать, я не чувствовал себя пришельцем с другой планеты и пестрая жизнь с кипучими страстями меня не поражала и не удивляла. Я все еще оставался сторонним наблюдателем, но не участником. Появление в моей палате нового человека означало мою первую связь с тем миром на журнальных картинках.

Доктор подвел гостя к моей кровати. Трость не была частью костюма, адвокат прихрамывал на правую ногу и опирался на клюку всем своим массивным телом.

– Это ваш адвокат Антон Романович Гольдберг. Прошу вас, Максим, не волноваться и не перенапрягаться. Всего в меру, мы уже говорили.

Закончив свои нравоучения, он вышел. Рита последовала его примеру.

Я не сводил глаз с красивого элегантного мужчины, который, как мне было сказано, играл большую роль в моей жизни и в моем спасении.

– Ну здравствуй, Макс. Как твои дела?

– Вы действительно мой адвокат?

– Совершенно верно. Я адвокат и поверенный в твоих делах и делах компании «Рикон-Нефть», ее владельцев и всего, что связано с нашей фирмой. К сожалению, никого из владельцев не осталось в живых, и на наши с тобой плечи свалилась вся эта махина. Придется выдержать сей груз.

– Вы говорите о миллионере-убийце?

– Не надо так говорить, Максим. Вы были большими друзьями, и ты лучше других должен знать, что Тимур невиновен.

– Я был его подручным?

– Не очень подходящие слова. Ты помогал ему в делах. Без твоей помощи он ничего не мог сделать. Слишком горяч, нетерпелив и несерьезен был покойный Тимур Аракчеев. А ты великолепный администратор с тонким чутьем и безукоризненной логикой. Генеральным директором компании тебя назначил еще отец Тимура, тоже ныне покойный Александр Аракчев, основатель концерна.

– Я ничего не понял из того, что вы сказали. Вернее, мне ясен смысл, но я не могу его привязать к себе.

– Доктор Розин утверждает, что у тебя амнезия средней степени и память со временем вернется.

– Когда?

– Это может случиться в любую минуту. Но не в ближайшие дни, разумеется. Важно соблюдать его предписания. Он один из лучших специалистов в своей области, ему можно довериться без оглядки. А пока ты еще слишком слаб. Тебе нужно набираться сил, а они тебе ой как понадобятся в скором времени.

– С этим нельзя не согласиться. Расскажите мне обо мне. Хотелось бы представить себе, что за человек жил в моей оболочке до аварии.

– Начать с того, что мы были партнерами и друзьями, и ты называл меня Антоном, как и я тебя Максом. Начнем возвращение к прошлому с таких элементарных вещей, как взаимодоверие и дружеские отношения.

– Пока мне трудно в это поверить. Мне кажется, я вижу вас впервые.

– Конечно. Так же, как и весь свет Божий. Ты же родился заново. Если ребенка надо учить говорить и на это уходят годы, то ты будешь адаптироваться к действительности не по дням, а по секундам. Тебя, как хорошую вещь, надо починить, если потерялся винтик, а не создавать заново. Итак, тебе тридцать четыре года. Родился ты где-то очень далеко, то ли в Хаба-

ровске, то ли в Назрани. Ты не любил об этом рассказывать, стесняясь своего происхождения. Твои родители обычные служащие, и, как я знаю, ты их потерял много лет назад. В Москву ты приехал в восемнадцатилетнем возрасте с амбициозными планами выбиться в люди, и не просто в люди, а в большие люди. С легкостью поступил в Плехановский институт на экономический факультет и блестяще его окончил. Потом аспирантура, курсы иностранных языков при МИДе, диссертация и резкий скачок вверх. К двадцати шести годам ты уже стал самостоятельным, уверенным в себе специалистом, но ты словно задался целью получить дипломы всех престижных заведений. Учеба тебе давалась слишком легко. Незаурядный талант плюс тяга к знаниям – великая вещь. Ты заочно за три года закончил еще один институт и стал специалистом по нефтяной промышленности. Тогда-то тебя и заметил Аракчеев-старший. У старика было отличное чутье на людей. Он каждого видел насквозь. Старый лис устроил тебе несколько испытаний, и ты их с честью выдержал. Причем, одно из них касалось денег. Но ты не позарился на чужой капитал. После этого ты стал его любимчиком и надеждой. Свою карьеру в компании ты начал сразу с поста директора одного из филиалов. Хочу напомнить, что тогда тебе и тридцати еще не стукнуло. Старик в тебе не ошибся. Об одном он жалел, что его родной сын – полная тебе противоположность, ничем никогда не интересовался, кроме спорта и развлечений.

С Тимуром вы познакомились раньше, чем ты с его отцом. Он тоже учился, правда из-под палки, в нефтяном. Играл за сборную института в футбол и этим заработал себе диплом, который ты написал за него. Может быть, вы и сошлись из-за того, что были слишком разными. Вас тянуло друг к другу, как магнитом, и дружба оборвалась с его смертью.

Мы с тобой познакомились пять лет назад, когда ты появился в компании с высоко поднятой головой. Номинально я занимаю пост председателя совета директоров, веду финансовые дела и решаю юридические вопросы, но фирмой руководил ты. Вот почему мы были связаны с тобой крепкой ниточкой.

Аракчеев-старший последние годы очень болел, ему перевалило за семьдесят, и он не мог уделять много времени и сил своему детищу. Мы лишь отчитывались перед ним за проделанную работу. Надо сказать, огорчений старику никто из нас не доставлял, кроме сына. Отличный парень, боксер, теннисист с широкой доброй натурой. Его щедрость не знала границ, любвеобилен, весел, красив. Женщины с ума сходили по нему. Но деловых качеств – ноль. Вот почему его покойный отец назначил меня опекуном Тимура по вопросам финансов и наследия капиталов.

Александра Викторовича в дрожь кидало от одной мысли, что все состояние попадет в руки оболтуса, и все нажитое кровью и потом пойдет прахом. Вот тогда дела компании он возложил на тебя, а финансовые вопросы велел решать мне. Умирая, старик просил тебя повлиять на Тимура и привлечь его к делам фирмы. С твоей хваткой, умом, гибкостью и с его невероятным обаянием, легкостью, общительностью, умением заставлять окружающих восторгаться собой, вы могли бы стать великолепным тандемом и взойти на вершину мира. Старик мечтал об этом. Но тут прогремел гром среди ясного неба. Тимур выкинул фортель, от которого отец слег и уже не поднялся. Он женился на красотке из кабацкого варьете. Обычная периферийная пустышка, но у нее хватило ума вскружить голову молодому миллионеру. Звали ее Екатерина Кислицкая. Теперь и она ушла в мир иной. Вряд ли тогда она могла предположить, что ее жизнь оборвется в двадцать семь лет от роду. Старик умер через пару недель после свадьбы. Компания сильно пошатнулась, акции стали падать, но мы с тобой сумели выправить положение. Тимур был тебе за это очень благодарен. Ты спас его от разорения. Он превозносил тебя до небес, называя вторым отцом. Смешно, конечно. Ты старше его на год. Кстати, вы очень похожи. Оба высокие, блондины, голубоглазые. Да, глупо все получилось.

Я слушал этого большого красивого человека с мягким низким бархатистым голосом и прилагал все свои силы, стараясь представить столь красочно нарисованную картину. Но

у меня не хватало фантазии и мозгов, чтобы увидеть хоть один эпизод и, сложив их вместе, вникнуть в суть рассказа. Сплошные размытые пятна, никакой четкости и полное равнодушие. Очевидно, я смогу понять этот рассказ значительно позже. Доктор Розин прав, через себя не перепрыгнешь и к пониманию бытия надо приходиться по ступенькам.

– Как мы попали в аварию?

– Я не в курсе. Но если хочешь, узнаю подробности. Теперь я буду приходиться к тебе ежедневно. Доктор просил не переутомлять тебя. Завтра после обеда я подменю медсестру и покатаю тебя по парку. Свежий воздух очень благотворно влияет на слабый организм. Ты страшно похудел, кожа да кости. Набирайся сил. Я уже видел твое новое меню. От такого обеда и я бы не отказался.

– Мое лечение, вероятно, дорого стоит?

– Ты застрахован. Все заботы о тебе оплачивает страховая компания. Впрочем, вопрос не в деньгах. У нас их достаточно. Старик всех нас застраховал на очень крупные суммы.

– У вас есть мои фотографии?

– Надо поискать. Постараюсь принести их завтра. Не стоит забывать твое лицо, которое перекроили до такой степени, что от прежнего Максима Круглова ничего не осталось. Правда, остались глаза, а их ни один хирург изменить не может. Тут уж ни с кем тебя не спутаешь.

– Сколько я здесь еще пробуду?

– Трудно сказать. Но как только доктор Розин позволит, я тебя тут же заберу из больницы.

– Куда же?

– Под Москвой, в чудном месте, не хуже этого, есть отличный двухэтажный коттедж. Я уже нанял прислугу. Он принадлежит компании, но записан на твое имя. Старик скупил немало земли в Подмосковье, этот дом не единственный. Но он тебе нравился, и я думаю, что тебе там будет уютно. – Он глянул на часы. – К сожалению, мне пора. Я и так злоупотребил твоим терпением и нарушил инструкции Ильи Сергеевича. Отдыхай и ешь все, что тебе принесут. – Адвокат встал и, склонившись надо мной, тихонько похлопал меня по плечу. От него исходил очень приятный аромат. – Все будет о'кей, Макс, и старайся не думать о плохом. Тебе еще предстоит окунуться в мир, где живут иллюзиями, купаясь в грязи. Используй мгновения, дыши глубоко и не стремись к заботам.

– Я ни о чем не думаю. Я созерцатель.

– Отличная позиция. Пользуйся, пока есть возможность. Очень скоро тебя ждут большие перемены.

Когда за ним закрылась дверь, я уставился в окно и долго смотрел в небесную синь, словно искал ответы на поставленные передо мной вопросы. Ничего я там не нашел. Может показаться странным, но мне нравилось мое нынешнее положение и я вовсе не нуждался в каком-то имени и стремлении к свободе с ее заботами и проблемами. Мне нравилось наблюдать за происходящим со стороны и ничему не давать оценок.

Доктор Розин словно читал мои мысли. Вечером принесли телевизор и видеомagneфон. Так он хотел перебросить мостик между мной и неведомым мне миром. За вечер я посмотрел два фильма. Смешную комедию и мелодраму о страстной любви. Впечатлений море. Я радовался как ребенок, переживал и смеялся. Вот что значит картинка. Я вижу и все понимаю без лишних комментариев.

Рассказ непонятен, потому что мой мозг лишен воображения.

На следующий день сняли бинты, с которыми я так свыкся. Казалось, что они меня сдерживали со всех сторон, и вот теперь я должен рассыпаться на части. Осколки, из которых я был склеен, слишком хрупкие, и мне стало страшно.

Потребовалось несколько часов, чтобы я привык к своему новому состоянию и начал шевелиться, не беспокоясь, что у меня отвалится рука или плечо. Перед обедом я попросил Риту принести зеркало. На сей раз отражение не напугало меня. Лицо приобрело живые

оттенки, розовые шрамы пропали и краснота в глазах исчезла, а на голове торчал белобрысый ежик, сантиметра два длиной. Правда, я отчетливо видел шрам на своем черепе. Еще совсем короткие волосы не могли его спрятать, и он портил всю картину.

– Спасибо, Рита.

Она улыбнулась и убрала зеркало.

Свои руки мне увидеть не удалось. Как только сняли бинты, на меня надели перчатки из какой-то тонкой материи и подвязали их на завязочки. Как мне сказали, кожа еще не зажила и мне какое-то время придется оберегать руки от случайных царапин и всяческих травм.

Обед подали вовремя, и я остался им очень доволен. Кормили меня на убой, а на подносе всегда стояла вазочка с цветами. Нянчились со мной, словно с грудным ребенком. Иногда мне становилось неудобно за себя, я хотел большей самостоятельности, но ничего из этого не получалось.

После трапезы я еще некоторое время сидел на кровати, потом меня пересадили в кресло на колесиках, так что к приходу адвоката я был готов к прогулке...

Антон пришел вовремя. Он сам вывез меня из палаты, спустил на лифте вниз, и мы оказались на главной аллее парка.

– Остановите, – попросил я. Коляска остановилась.

– Я хочу встать и пройтись.

– Не страшно?

– Ничуть. Ноги у меня здоровые и слабости я уже не чувствую.

Он подал мне руку, и я встал. Поначалу меня немного покачивало, но Антон поддерживал меня под локоть. Вероятно, и ему было нелегко с больной ногой, но он не подавал вида. В этом человеке чувствовалась сила, и я не беспокоился за себя. С ним было легко, он не навязывал своих разговоров и не лез, что называется, в душу. Если я молчал, то и он не раскрывал рта.

Я сделал шагов тридцать и немного устал. Мы присели на скамейку и любовались замечательным строением конца восемнадцатого века, когда архитекторы вкладывали весь свой талант в создание каменных шедевров. Усадьба с ее дворцами и постройками радовала глаз. Все портили только решетки на окнах.

– Скажи мне, Антон, – сам того не замечая, я перешел на «ты», – в чем парадокс? Почему жизнь в психиатрической больнице так отличается от жизни в городе?

– Что ты имеешь в виду?

– Посмотри на этот великолепный особняк. На первом этаже нет никаких решеток, а на втором и третьем все окна заблокированы кошмарными сетками. В городе все наоборот. Там окна первых этажей загорожены стальными прутьями, а верхние этажи нет.

Антон засмеялся.

– Откуда ты знаешь?

– Теперь мне показывают кино. Я человек новый в этом мире и замечаю все, что вижу.

– Ты прав. У нас замыленный взгляд. Не до того. Забот слишком много, а ты только начинаешь постигать этот мир. Объяснение твоему наблюдению очень простое. В городе первые этажи домов могут подвергнуться ограблению. Хозяева стараются обезопасить себя от нашествия жуликов. Правда, в наше время грабители действуют по другим схемам. Решетки им не помеха. Что касается больницы, то здесь никто не боится воров, заботятся о больных. Психиатрическая клиника – заведение специфическое. Больному может стукнуть в голову выпрыгнуть из окна. Первый, этаж в этом случае безопасен, а третий чреват серьезными последствиями.

– Однако на моем окне нет решеток.

– Это я попросил их снять. Никто не знал, в каком состоянии ты очнешься после стольких операций. Решетки плохо действуют на психику, а ты и без того перенес слишком много травм, как физических, так и морально-психологических.

Немного помолчав, я спросил:

– Ты привез мне фотографии?

– Да. Но не много. Только те, что нашел у себя. Твой дом опечатала прокуратура, они даже замки свои повесили. Но перед твоей выпиской я улажу этот вопрос. У следствия нет к тебе претензий, и они снимут свои запоры. Это не вопрос.

Он достал из кармана конверт и протянул мне. Я хотел ему сказать, что в перчатках не очень удобно распечатывать его, но не стал. Надо же когда-то становиться самостоятельным и привыкать к жизни без нянек. Я долго копошился с упаковкой, а он равнодушно наблюдал за моими действиями. Мне почудилось, будто он специально создавал для меня трудности. Я не в обиде, так и надо.

Наконец фотографии увидели свет. Я начал их разглядывать. На первом снимке был изображен хорошо одетый молодой человек. Он сидел на краю стола в какой-то комнате и разговаривал по телефону. Возможно, его застали врасплох и он не знал, что его фотографируют. Вид деловой, сосредоточенный.

– Это ты в своем рабочем кабинете, – пояснил Антон, не глядя на снимок. – Я не знаю, кто и когда тебя фотографировал.

Цветная картинка мне понравилась: яркая, четкая, но делалась она с приличного расстояния, и я не мог разглядеть лица. Следующий снимок групповой. В объектив попало сразу несколько человек. Антон ткнул пальцем в одного из парней.

– Вот этот парень и есть ты. Тебе здесь лет двадцать пять. Студенческая карточка.

На ней я вообще ничего не мог разобрать. Кучка юнцов, стоящих на лестнице, на фоне белого здания с колоннами.

Третий и последний снимок был самым интересным. На нем запечатлена компания из трех человек. Девушка в купальнике сидит за рулем открытой шикарной машины, перекинув ноги через дверцу. Рядом – красивый парень, он задрал вверх руку с бутылкой шампанского и что-то восклицает. Судя по всему, счастлив.

Третий молодой человек сидит прямо на капоте с бананом в руке и смеется. Оба молодых человека чем-то похожи. Ладно скроенные блондины со светлыми глазами, загорелые. Только у одного на голове короткий ежик, а у другого волосы до плеч.

Вокруг пальмы, а на горизонте море. Девушка мне понравилась. Очень красивая и необычная. Брови вразлет, громадные черные глазищи и небрежно откиннутые волосы пепельного цвета, завитые в тонкую спираль.

Конечно, по фотографии сложно судить о ее внешности. К тому же она без меры пользовалась косметикой, но в любом случае взгляд к ней приковывался сам собой, словно магнитом.

Всем было весело, но, разумеется, судить о людях очень трудно по беглому взгляду. Я вообще не знаю человеческих взаимоотношений, но доверяю собственной интуиции и чувствам. Моя жизнь началась с ощущений.

– Расскажи мне про этот снимок, – попросил я.

– Сравнительно недавняя фотография. Ты сидишь на капоте. Тимур с шампанским, а Катя за рулем. Короткий медовый месяц где-то на Багамских островах. Ты всегда и всюду ездил с Тимуром. Я уже говорил, что вы были друзьями. Ты всячески старался походить на него. Вот только волосы не мог позволить себе отрастить до плеч. Слишком солидную должность занимал. Вы даже одевались одинаково, как братья-близнецы.

– Я оставлю эти фотографии у себя?

– Они твои. Что хочешь, то и делай с ними.

– Ты сказал, что Тимур не убивал Катю? Но газеты обвиняют его. Это же клевета?

– Газеты ссылаются на мнение следователя. Они ничего не утверждают. За язык их не поймашь и в суд на них не подашь. Это очень сложный вопрос. Мы вернемся к нему, но позже, когда тебя выпишут их больницы.

– Почему не сейчас?

– Тебе следует узнать массу побочных деталей, прежде чем подбираться к главным. В данных условиях такое невозможно.

– Постараюсь потерпеть. Но ты же понимаешь, что я обязан быть в курсе событий. Мне с этим жить.

– Я ничего не собираюсь от тебя скрывать. Не забывай, Макс, мы в одной упряжке, а, как адвокат, я работаю на тебя и несу ответственность за все, что с тобой происходит и может произойти.

Я уперся руками в скамейку и встал. Он хотел подхватить меня, но я отдернул локоть.

– Не стоит. До здания ты повезешь коляску пустой.

– Все правильно. Характер у тебя остался железным. Очевидно, память на него не распространяется.

– Доктор Розин считает, что все инстинкты у меня сохранились и зубную щетку я использую по назначению, а не пытаюсь ею причесываться.

Так проходили день за днем. Двигался я самостоятельно и даже делал гимнастику. Доктор наложил два запрета: первый исключал отжимание на руках, второй – посещение сауны. Но меня и джакузи вполне устраивала. Можно сказать, я твердо стоял на ногах, и дело дошло до коротких пробежек. Единственное, чего я боялся, – так это лестницы. У меня начинала кружиться голова, и я боялся упасть, а матерчатые перчатки слишком скользили по полированному перилам. Но мне приходилось умалчивать о своих трудностях, чтобы не расширять шкалу запретов.

По вечерам мне показывали кино, от которого я был в восторге, особенно от детективов. По утрам Рита читала мне журналы, но вскоре я сам смог это делать, а днем доктор Розин занимался со мной ликбезом. Мы решали смысловые и логические задачки. Получалось неплохо, и с каждым днем он усложнял их.

Тренировали память всякими упражнениями. Он выкладывал на стол десяток разных безделушек, потом в течение пяти секунд давал мне взглянуть на них, я отворачивался к окну и перечислял все увиденные предметы. Тут я был на высоте.

Мы дошли до сорока пяти предметов, и я запоминал почти все с разницей в три-четыре единицы.

Однажды доктор пришел не один. С ним была высокая, очень элегантная женщина, красивая, но суховатая. Они приблизились к окну, возле которого я сидел в кресле и читал книгу, и Розин несвойственным ему официальным голосом, сказал:

– Максим Алексеич, к вам гость. Она по долгу службы задаст вам несколько вопросов. Если сможете, ответьте ей.

Он повернул голову к даме и тем же голосом добавил:

– У вас не более десяти минут.

Розин ушел, а Рита и не подумала двигаться с места, она лишь уступила ей свой стул, а сама пристроилась на подоконнике.

– Меня зовут Ксения Михайловна Задорина. Я следователь. Извините, но вынуждена вас беспокоить. Долг обязывает.

– Не представляю, как такая женщина может быть следователем? Правда, я прочел несколько детективов, написанных женщинами, у них все героини женщины-сыщики. Но, оказывается, и в жизни так бывает.

Мой комментарий остался без внимания.

– Я знакома с вашей историей болезни. Сейчас вы стали чувствовать себя значительно лучше, и мне позволили повидать вас. Возможно, вы сумеете чем-то помочь нам. Речь идет об аварии у котлована около восьмидесятого километра Старопромысловского шоссе.

– Боюсь разочаровать вас, любезная Ксения Михайловна. Вы знаете об этой трагедии больше меня, и я сам с удовольствием услышал бы подробности.

– Сожалею Авария – самое темное пятно в этой истории. Милиция прибыла на место происшествия слишком поздно. Все сгорело.

– В газетах писали иначе.

– Репортеры получают дозированную информацию. Очевидные факты, которых не скроешь. Остальное они дофантазируют сами с соответствующей подливой. Тайна следствия не разглашается, и улики не выставляют на показ.

– Так в чем загвоздка?

– Нам очень важно знать, кто сидел за рулем «линкольна-навигатора»: вы или Тимур Аракчеев?

Я пожал плечами.

– Не знаю. Но разве вы сами не сумели это определить?

– Машина несколько раз перевернулась. Как вас могло выбросить, если двери заблокировались? Правда, все стекла вылетели, но мы пока не можем смоделировать ситуацию. Судя по всему, сгорел Аракчеев. Человек, сидевший за рулем был обречен. Но машина принадлежит вам – Максиму Круглову. Вы доверили ему руль?

– Понимаю. Но в данной ситуации я сам хотел бы стать следователем. От меня тщательно скрывают все, что известно о трагедии.

– У вас обгорела только верхняя часть туловища. К счастью, ваши документы лежали в заднем кармане брюк и не пострадали. На этом строилось опознание.

– Мне тут показывают кино. Детективы. Очень интересная вещь. Из увиденного я понял, что человека можно опознать по отпечаткам пальцев, по крови, ДНК. Правда, я не знаю, что это такое.

– Да конечно. Мы пользуемся этими методами. Но ни вы, ни Аракчеев не находились ранее под следствием и в картотеке нет ваших отпечатков. Что касается ДНК, то вы и Аракчеев полные сироты, у вас не осталось родственников, и нам не с чем сравнивать. Кровь тоже не поможет. От Аракчеева остались только угли, а вашу историю болезни мы не нашли, будто вы никогда не обращались к врачам. Это касается и стоматологов.

– Мне искренне хочется вам помочь, но я не могу этого сделать. Вы сказали, что определили личность по документам, и это все?

– Разумеется, мы вызвали адвоката нефтяной компании, и врачи показали ему вас. Причем, ему не называли имени потерпевшего. Он тут же ответил, что перед ним Максим Круглов, это соответствовало найденным в вашем кармане документам. Потом вас отправили в ожоговый центр и начались ваши путешествия из больницы в больницу.

– Мне известно, что за нами гналась патрульная машина. Милиционер тоже погиб. Тимура Аракчеева подозревали в убийстве собственной жены. Что расследуете вы, Ксения Михайловна?

– Аракчеев мертв. Против покойников обвинения не выдвигают. Дело об убийстве Екатерины Аракчеевой закрыто. Меня интересует только катастрофа.

– Вы хотите сказать, что у вас имеется стопроцентное доказательство вины Тимура в убийстве, если вы закрыли дело?

– Да. Майор Лиходеев сумел это доказать, но арестовать Аракчеева не успел. Как говорят, разошлись на лестничной клетке.

– Как бы развертывались события, если бы Аракчеева арестовали? Его казнили бы?

– У нас в стране мораторий на смертную казнь. Вряд ли он получил бы больше десяти лет. А учитывая такого опытного адвоката, как Антон Гольдберг, и состояние Аракчеева, он мог бы отделаться легким испугом. Правда, история получила слишком большой резонанс. Общественность внимательно следила за событиями, и я не думаю, что судьи решились бы брать взятки. Но нас это не интересует. Дело следствия – доказать вину и сдать дело в суд. А там, как вы понимаете, в работу вступил бы Гольдберг. Можно и не отрицать само убийство,

если уж тебя взяли за руку. Но убийство убийству рознь. Самозащита, состояние аффекта, бессознательное, неосознанное состояние, случайность и тому подобное. Гольдберг мастак в этих делах. Цицерон. Его можно часами слушать с открытым ртом, и всему поверишь, пока не выйдешь из гипноза. И речь идет не о казни. Даже если бы Аракчееву дали три года, он потерял бы гораздо больше. Это банкротство. Ни один уважающий себя фирмач не стал бы иметь дело с убийцей. Ему грозил международный скандал и полный крах. Вот чего боялся Аракчеев, а вовсе не суда.

Помимо того, что эта женщина обладала притягательной внешностью, она казалась мне очень умной.

– Возможно, вы правы, сейчас мне трудно судить. Но мне кажется, в вашем заключении есть некоторые неувязки. На что рассчитывал Тимур Аракчеев, убегая от сыщика? Рано или поздно его схватили бы. Он же не бездомный бомж, за его спиной громадные капиталы, недвижимость, фирма. Он – мировая известность. Игры со следствием, гонки, прятки похожи на безрассудное мальчишество.

– Вы логичны и точны в определениях при вашем-то диагнозе. Но вряд ли следствие готово ответить на ваши вопросы. Мы сами не можем понять логики его поведения.

– Жаль. Но я не в силах вам помочь. Приятно было с вами познакомиться, госпожа Задорина, и выслушать вас, но ничего, кроме захватывающего сюжета я не уловил. Во мне не возникло никаких ассоциаций. На сегодняшний день Тимур Аракчеев знаком мне лишь по фотографиям, как далекая голливудская звезда, а рассказы о нем смахивают на занимательное кино, где эта звезда выполняет непонятные, но эффектные трюки.

Женщина улыбнулась, и из сухаря превратилась в красотку с обложки элитного журнала, демонстрирующую белоснежные зубы. Осталось только взять в руки тюбик с пастой. Правда, в ее улыбке проскальзывала ирония. Конечно, она мне не верила.

– Я оставляю вам свою визитную карточку, – она достала из сумочки скромный кусочек картона и положила мне на колени. – Вдруг к вам придет озарение. Позвоните. Буду вам очень признательна.

Я кивнул головой.

Она тихо встала и ушла. Моя медсестра как-то странно хихикнула, после того как за следователем закрылась дверь.

– Чем она вас насмешила, Рита?

– Надо быть круглой душой, чтобы надеяться услышать ваш голос по телефону.

Я так не думал. Сказав мне, что ее интересует только автокатастрофа, она лгала. В визитной карточке написано: «Следователь по особо важным делам Московской городской прокуратуры, подполковник...» Не простая птица! Но я хорошо помнил, что делом занимается управление внутренних дел области, и она тут вовсе не причем. Вывод прост: дело об убийстве жены Аракчеева-младшего не закрыто.

– Напрасно, Рита, вы думаете, что она дура. Нет. Здесь виден определенный расчет. Она женщина опытная, хитрая и, я думаю, проницательная. Ей приходится решать задачки куда сложнее тех, что мне задает доктор Розин.

– Откуда у нее опыт и ум? Ей на вид лет тридцать пять, не больше, французскими духами за версту несет. Красивые женщины не бывают умными.

– Не могу с вами спорить. Не знаю.

В течение следующей недели я осваивал компьютер. Доктор Розин уделял мне меньше внимания, а давал самостоятельные задачи. Начали с пасьянсов, логических игр и задач на сообразительность. Я очень увлекся новой техникой и быстро освоил многие программы. Но больше четырех часов в день мне работать не разрешали. По два часа днем и после ужина. Переутомление я ощущал, но помалкивал об этом. Рита говорила, что я азартен, как ребенок, и по-детски реагирую на каждую победу, подпрыгивая на стуле. Организм окреп, я хорошо

спал, отлично питался, но меня все еще пугала темнота, в которой я терял ориентацию, и крутые ступеньки лестницы. Но и об этом приходилось молчать. Мне очень хотелось побыстрее выписаться и посмотреть на мир собственными глазами, увидеть его не таким, каким мне его показывают режиссеры кино. Я рвался к новым впечатлениям.

Антон навещал меня часто. Я рассказал ему о визите следователя, но он никак не отреагировал, мол, человек выполняет свои обязанности и это нормально.

Я не стал ему высказывать своих подозрений, возможно, что я и впрямь усложнял ситуацию по неведению.

Однажды доктор Розин пригласил меня пройтись по парку.

Мы вышли на свежий воздух и гуляли по аллеям старинной усадьбы, беседуя на отвлеченные темы.

Потом он перешел на деловой тон и начал давать мне инструкции, как надо себя вести на свободе, чего избегать и чем заниматься. Так я получил первый сигнал о приближавшемся скором расставании.

– Удивительное положение я занимаю, Илья Сергеич. Мы разговариваем с вами как нормальные люди и хорошо друг друга понимаем, но почему же я ничего не помню? Речь, язык я не забыл, ваши задачи решаю, с компьютером на ты, запоминаю и замечаю все, с чем сталкиваюсь. Все определения и понятия мне ясны. В чем же проблема?

– Это не ваша заслуга. Безусловно, вам надо отдать должное: вы настойчивы, упрямы, любопытны и серьезно относитесь к нашим занятиям. Но главенствующую роль в прогрессе играет подсознание, еще очень плохо изученное человечеством. Оно зарыто в подкорке и не пострадало в аварии, что же касается сознания, то оно выпало из ячеек вашего мозга. Или, точнее, оно спит. Инстинкты, такие как страх и тому подобное, сохранились. Движения и даже привычки управления подсознанием живы. Вы берете вилку в левую руку, нож в правую, реагируете на звуки, отмахиваетесь от мух. Вы знаете, что дом – это дом и его проектировал архитектор, но не помните, кому конкретно он принадлежит. Вы также понимаете, что прыгать с крыши дома опасно для жизни. Инстинкт самосохранения никуда не делся. При сильной стадии амнезии человек лишается и того, и другого. Он превращается в парализованную куклу. Такие случаи излечению не поддаются.

Мы вышли на огромную асфальтированную площадку, где стояло несколько машин. Доктор подвел меня к длинному лимузину и открыл дверцу водителя.

– Садитесь.

Я растерялся.

– Смелее, Максим.

Пришлось подчиниться. Он обошел машину спереди и сев рядом со мной, подал мне ключи.

– Почему бы нам не переставить машину на другую сторону площадки?

– Давайте попробуем.

Вряд ли в моем голосе звучала уверенность.

Я вставил ключ в замок зажигания и повернул его. Мотор тихо заурчал. Свои действия я не контролировал, все получалось само собой, автоматически. Я выжал педаль сцепления, включил передачу и тронулся с места. Машина переехала на другую сторону, я затормозил и выключил мотор.

– Теперь вам понятно, что такое сознание, а что подсознание. Вы абсолютно нормальный, полноценный человек с отличным логическим мышлением, блестящими способностями, но временно лишенный прошлого. Вряд ли подобную деталь можно назвать недостатком. Очень многие в этом мире стараются скрыть свое прошлое или по крайней мере не вспоминать о нем. Вы счастливее их.

– Судя по рассказам адвоката, мне не за что стыдиться своей прошлой жизни.

Головокружительная карьера и большое будущее.

– Это от вас никуда не делось. Результаты никто пересматривать не намерен. Сейчас ваш адвокат занимается восстановлением всех документов. Придется поменять фотографии, и более ничего.

Я чувствовал, как болят мои руки под перчатками. Этот короткий переезд и напряжение мышц дались мне нелегко. Вероятно, я уже научился скрывать свои чувства. Лгать я еще не умел, но предпочитал отмалчиваться, когда дело касалось моих личных ощущений.

– Вы правы, Илья Сергеич. По логике вещей, все правильно. И все же я чувствую себя ущербным, лишенным чего-то очень важного. Во мне отсутствует личность! Лицо!

– Когда память вернется к вам, а такое возможно на девяносто процентов, вы поймете, что ровным счетом в вашей жизни ничего не переменится. Лишь одни грустные мысли об утраченном. Потеря родителей, любимых женщин, несвершившихся желаний. Вы приобретете коварное понятие – совесть. Правда, это не всем дано. А если это произойдет, то появятся угрызения и лишние страдания. Не существует людей с идеально гладким прошлым. Слава Богу, вам не надо заботиться о выживании. Вы богаты, а большинство людей живут с единственной мыслью о семье и хлебе насущном. Им нечему радоваться. Вы же родились в сорочке. Любуйтесь миром, созерцайте и не лезьте в глубокие дебри подсознания. Вы можете себе позволить начать счастливую жизнь с чистого листа и получать удовольствие от бытия. Я вам завидую. Вы способны подойти к красоте и любви с чувствами, а не с кошельком, как это принято сегодня. Хаосный рынок живет по принципу «все продается и все покупается». А что касается прошлого, то это дело наживное. Через год-два вы уже сможете оглядываться назад и оценивать свои поступки, сожалеть о содеянном или гордиться своими поступками. Это и есть прошлое. Оно имеет тенденцию накапливаться, и вы от него никуда не денетесь.

– Вы очень убедительны, Илья Сергеич. – Он глянул на часы. – О! Мы перегуляли. Ваш адвокат нас заждался. Вам еще надо пообедать перед отъездом.

– Меня выписывают?

– Да. Я сделал все, что мог. Теперь вы сами себе хозяин. Не забывайте о моих рекомендациях, и все будет хорошо.

Антон привез мне очень красивый костюм темно-синего цвета с переливом, эффектный галстук, белый плащ и кепку из той же плащевой ткани. Одежда сидела на мне безукоризненно, и я почувствовал себя равным с остальными. В зеркале отражался респектабельный молодой человек. Правда, я не очень уютно чувствовал себя, словно меня поместили в скорлупу, особенно раздражали ботинки. Но к этому придется привыкать. Вейцом всему стали черные кожаные перчатки. Вот они мне действительно мешали. Изнанка карябала руки. Кожа оставалась еще очень чувствительной. Доктор мне запретил даже рукопожатие.

– У тебя хороший вкус, Антон. Белый плащ и кепка с костюмом мне очень нравятся.

Он снисходительно наблюдал за мной, склонив голову на бок и оценивал общую картину.

– Мой вкус совершенно ни при чем, Макс. Эту одежду ты покупал сам. С твоего дома сняли пломбы и печати, и я взял их из твоего шкафа.

– И на том спасибо.

– Нам пора ехать.

– Кажется, ты говорил, что мой дом находится в Ватутенках?

Он улыбнулся.

– Твоя новая память лучше твоей старой, Макс.

– Наверняка, если ее очистили от мусора и пыли. Там полно места для свежей информации.

Доктор Розин и Рита проводили нас до машины. Мы долго прощались и наконец выехали за ворота. Я оглянулся и еще долго смотрел на утопавшую в дымке старинную усадьбу, где

началась моя новая беззаботная жизнь. С чистого листа, который теперь мне придется заполнять самому.

Глава II

Водоворот

Всю дорогу мы молчали. Я смотрел в окно автомобиля, надеясь увидеть что-то необычное. Но мы ехали все время по шоссе и через Москву не проезжали. Антон объехал город по кольцевой дороге. И тем не менее мне все казалось интересным.

Я немного волновался, видя перед собой бесконечные пространства. Где-то все должно заканчиваться. А что дальше, за тупиком? Ничто? Ничто – это тоже что-то и должно иметь свое определение.

Наконец машина свернула на проселочную дорогу. Мы проехали через лес и выбрались к коттеджному поселку. На первый взгляд домов было не очень много.

Они стояли в глубине опушки, в чаще деревьев и держались друг от друга на почти-тельном расстоянии. Наш дом стоял на окраине, а сколько еще коттеджей выстроилось в шеренгу вдоль леса, я не знал. Асфальтированная широкая дорога прямой стрелой уходила вдаль, параллельно высоченному кирпичному забору, похожему на неприступную крепость. Очевидно, громоздкая ограда была построена сообща всеми владельцами коттеджей.

– Кто здесь живет? – спросил я.

– У нас не принято интересоваться такими вещами. Сам о себе никто не рассказывает. Люди слишком отчуждены в наше время, особенно те, кто способен заплатить за элитный участок и трехэтажный дом. На жалованье не купишь, а значит, не лезь с вопросами, нос прищепят.

Машина остановилась у высоких чугунных ворот. Антон посигналил, и тяжеленные створки начали автоматически разъезжаться в разные стороны. В открывшейся пасти вырос чудный сад. Мы въехали на территорию и двигались по выложенной плиткой аллее. Кругом росли фруктовые деревья и пестрели клумбы с цветами. Двухэтажный особняк стоял глубоко в лесу. Беседки, веранды, подъезд с колоннами, над которым расположился солярий. Дом был салатного цвета с белыми фронтонами и темно-зеленой черепичной крышей. И опять решетки. Каждое окно первого этажа загорожено стальными прутьями витиеватой формы. Что находилось за домом, я не знал, и на какую глубину распространялась территория, мне было не известно. Но я не торопил события. Все в свое время.

Мы вышли из машины и поднялись на крыльцо.

– Это и есть твоя «Бригантина». Так ты называл свою дачу. Надеюсь, тебе здесь понравится.

– Уже нравится, если бы не заборы и не решетки.

– Без них нельзя. Жулья слишком много развелось, а здесь не мало дорогих вещей.

Входная дверь оказалась не запертой, и Антон ввел меня в дом. Внутри он показался мне куда больше, чем снаружи. Огромный холл, устланный мягким ковром, посередине круглый стол невероятных размеров, окольцованный глубокими мягкими стульями с высокими спинками. Вдоль стен стояли кресла, а между ними – светящиеся аквариумы с пестрыми рыбками. В холле находилось несколько дверей и три лестницы. Одна широкая по центру и две по обеим сторонам.

– Куда же нам идти? Сколько здесь комнат?

– Внизу гостиная, столовая, бильярдная и комнаты для прислуги. На втором этаже три спальни, твой кабинет и кинозал. Выбирай для себя любую спальню.

– Тесновато для одного. Ты будешь жить со мной?

– Нет. У меня квартира в Москве. Я должен находиться рядом с офисом компании. Сейчас там жарко. Слишком много дел.

Я направился к центральной лестнице и поднялся на второй этаж. Антон прихрамывал следом, не мешая мне самому знакомиться с хоромами.

Спальню я выбрал себе сразу. Может, она и не была лучшей, но мне она приглянулась своим уютом. Кабинет меня удивил. В нем не было книг. Пустые стены, тяжелый резной стол, удобное рабочее кресло. По центру на наборном столике, вокруг которого стояли кожаные кресла, диван и пуфики, – ваза с цветами.

– Здесь нет компьютера?

– Ты привык отдыхать на «Бригантине», а не работать. Кабинет – формальность для редких деловых встреч.

– Пришли мне сюда хороший компьютер с набором разнообразных программ.

– Хорошо. Завтра же привезут, а специалист тебе все наладит.

– И красивые умные игрушки тоже.

– Я уже понял твои интересы.

– Ты говорил о кинозале. Что это такое?

Он провел меня в соседнее помещение. Здесь висел большой экран, полки с кассетами и дисками, звуковые колонки и видеоаппаратура.

– Это плазменная панель. Очень дорогая штука. Комплекс называется домашним кино-театром. Тут собрано больше трех тысяч фильмов. Ты всегда был равнодушным к кино, но теперь сможешь получать все прожитые впечатления заново. Развлечений в доме хватает. По словам доктора Розина, ты должен пройти реабилитацию. Покой, тишина и удовольствия, никаких отрицательных эмоций.

– Я хочу посмотреть город. И сменять одну золотую клетку на другую не имеет смысла. Мне нужны впечатления.

– Конечно. Но в разумных дозах. В ближайшее время я свожу тебя в какой-нибудь приличный ресторан, а потом покатаю по Москве. Ну а теперь вернемся вниз. Я познакомлю тебя с прислугой и уеду. У меня море дел на фирме.

– Зачем мне прислуга?

– Ты и раньше не обходился без посторонней помощи, а сейчас и подавно. Кто-то должен готовить обед, подавать на стол, убирать, мыть, покупать продукты, ухаживать за садом, стелить тебе свежее белье, стирать. Не забывай, у тебя больные руки.

– Кстати, о руках. Найди мне другие перчатки. Эти слишком жесткие, карябаются.

– Без вопросов.

Мы спустились вниз. Там нас уже ожидали двое. Немолодая женщина, очень опрятная, поседевшие волосы убраны в пучок, очки и доброе приветливое лицо с умными серыми глазами. Второй представитель обслуживающего персонала мне сразу не понравился. Плечистый парень с длинными волосами, лет тридцати, в джинсах, кроссовках, в помятой рубашке навыпуск, со сбитым набок носом и заячьей губой, прикрытой рыжими усами.

– Познакомься. Элина Львовна. Твоя экономка. Она одна будет вести дом.

Учительница математики, вдова, на пенсии. Живет в поселке за лесом. Будет приходить утром к завтраку, а уходить после ужина, когда ты поймешь, что тебе больше не понадобится ее помощь.

Женщина улыбнулась и подала мне руку.

Я просто прикоснулся к ней. Ее улыбка сползла, как только она увидела черную перчатку.

– А это Эрик Брылев. Он будет жить здесь в надстройке над гаражом. Гараж в саду, ты еще его увидишь. Эрик тоже универсал. Его обязанности вне дома. Он механик, шофер, садовник и сторож. Все в одном флаконе, как говорятся.

– Стен с решетками мало. Ладно.

– Одному тебе оставаться в доме нельзя, а Эрик парень расторопный. Бывший десантник.

– Это точно, – подтвердил мой телохранитель и улыбнулся.

Он еще ко всему прочему был шербатым.

– Свой распорядок дня ты определишь сам, – продолжал Антон. – Элина Львовна к нему подстроится.

Адвокат глянул на часы.

– О, мне пора. Располагайся, осматривайся, здесь все твое, ты единственный хозяин. Распоряжайся по-своему, как тебе заблагорассудится.

Антон кивнул всем и направился к машине.

– Сделайте мне легкий ужин, Элина Львовна, и я вас более не задерживаю. Завтрак в девять утра.

– Хорошо, – тихо и покорно ответила женщина.

Я поднялся в свою спальню. Здесь уже успели растопить камин. К вечеру резко холодало. Начало октября – время дождей, но на улице стояла сухая и относительно теплая погода. Солнце уже не грело так, как месяц назад. Большая часть листьев пожелтела, но они еще крепко цеплялись за ветки деревьев. Ветерок дул трепетно, легко, и погоду можно назвать поздним бабьим летом, а не осенью, какой она мне представлялась по кино.

Я присел в кресло у камина и глянул на огонь. Пламя и тлевшие угли вызвали во мне неприятные ощущения, будто угрожали своими алыми языками. Я встал и отошел к окну. Уже стемнело, слабый лунный свет падал на макушки деревьев и цветочную клумбу под окном, выкрашивая все ровным голубым цветом.

Невероятно. Неужели я когда-то жил в этом доме? Чужое, незнакомое мне место. Правда, куда ни глянь, близкого и родного найти не удастся, кроме, пожалуй, своей больничной палаты, с которой началось мое теперешнее прошлое.

Жизнь по второму кругу. Возможно, подсознание мною все же управляет, но я сам об этом ничего не знаю. Такие тонкости мне пока не по силам. К чему оно меня приведет? Я едва стоял на ногах от усталости. Слишком много впечатлений для одного дня.

В дверь постучали, и на пороге появилась Элина Львовна с подносом. Пока я ел, она постелила постель и положила сверху свежую пижаму. Я поблагодарил ее, она забрала поднос, и мы простились до завтра.

Мне стоило немалых трудов переодеться самому. Этого я еще не делал ни разу. Мне вообще не приходилось менять одежду без помощи Риты или санитаря, если я принимал ванну.

Перчатки мне действовали на нервы, но снимать я их не решался. Можно сказать, я родился в перчатках, и они стали для меня тем же самым, что и трусы.

Наконец я улегся в огромную широченную постель и погасил свет. Усталость и сон как рукой сняло, едва меня окутала темнота. Луна довольно ярко освещала часть комнаты, и я отчетливо различал разные предметы, но все же ночь оставалась ночью. Я заставлял себя силой победить страх перед мраком и терпел. Стоило включить свет, и я тут же уснул бы, но я этого не делал, чувствуя, как учащенно бьется мой пульс.

Ощущение не из самых приятных. Я пялился в потолок и прислушивался к каждому шороху, но, кроме маятника каминных часов, ничего не слышал. Находясь в таком напряжении, о сне и думать нечего, и все же я продолжал вести жестокую борьбу со своим страхом.

Часы отстучали два раза. Ни в одном глазу. Может, хватит экспериментировать? В следующую ночь можно продолжить, всего понемногу...

До моих ушей донесся какой-то посторонний шум. Что это было, понять не могу. Я скинул ноги с кровати и сел. И вдруг меня пронзила дрожь.

Золоченая ручка двери, сверкавшая в лунном свете, начала поворачиваться. Я отчетливо видел, как тяжелый рогообразный набалдашник медленно опускается вниз.

Меня парализовало. Ручка продолжала опускаться. Тут сработал инстинкт. Я машинально, против своей воли, дернул за шнурок настольной лампы, и комната озарилась светом.

Ручка тут же встала на свое место. Послышалось какое-то шуршание, затем что-то стукнуло. В коридоре стояли тумбы с китайскими фарфоровыми вазами. Мне показалось, что одна из них разбилась, но ковровая дорожка заглушила удар. Шум пропал, все стихло. Выходить в коридор мне было боязно. Я встал и подошел к окну. Два фонаря освещали подъездную аллею и клумбу перед домом. Мне показалось, что тень промелькнула возле клумбы и исчезла во мраке.

Галлюцинациями я, слава Богу, не страдал и если видел предмет, значит, тот существовал наяву. Но кто может разгуливать по саду среди ночи? Через забор не перешагнешь. Возможно, у сторожа есть собака. Выясню завтра же. Но собаки не могут открывать двери.

Я взял себя в руки, подошел к двери и открыл ее. Темно. Я нащупал выключатель на стене и врубил свет. Все вазы стояли на своих местах. Тишина.

Висевшие между дверных проемов бронзовые бра прекрасно освещали помещение, вплоть до лестницы. Я вышел в коридор и заглянул в комнату напротив. И вновь мне пришлось включать свет. Желание спать как рукой сняло. Передо мной возник большой экран. Теперь я вспомнил про кинозал и домашний кинотеатр. Мне захотелось посмотреть, какие фильмы стоят на полках. Почему бы не отвлечься и не посмотреть кино? Выбирал я по названиям. То, что интересно звучит на слух.

Море кассет. Тут целенаправленные поиски без каталога бессмысленны. После долгих мытарств мое внимание привлекла одна кассета, где значилось название «Семейная хроника Аракчеевых». Такой шанс упускать нельзя!

Я подошел к видеомэгафону и вставил кассету. Куда сложнее было включить плазменную панель, но и с этой задачей я справился. Минут пять ушло на настройку, и аппаратура заработала. Я сел в одно из кресел первого ряда и уставился на экран.

Вначале появились титры. Точнее, заголовок или название: «День рождения отца», после чего появилось изображение. Лето, природа, деревья, спелые яблоки и сливы. Камера остановилась на пожилом человеке лет семидесяти. Он сидел под огромным зонтом в соломенном кресле, одетый в белый костюм, прекрасно гармонизировавший с его густой белоснежной шевелюрой. Рядом стояло еще несколько кресел, стол, накрытый скатертью, поверх которой стояли вазы с фруктами, ведро со льдом и бутылки с пестрыми этикетками. В одной руке старик держал фужер с шампанским, во второй трость. Точная копия той, что пользовался мой адвокат. Добродушный солидный старик снисходительно наблюдал за происходящим вокруг.

Камера отдалилась, появился общий план и я увидел бассейн. Старик сидел в двух метрах от кромки, за которой плескалась голубая вода, сверкавшая на солнце. Звуки природы заглушала музыка. На кафельном полу стоял переносной магнитофон, из него исходила приятная мягкая музыка. Обстановка располагала к расслабленному состоянию и беззаботному отдыху. Камера поднялась вверх, прошла по макушкам деревьев и остановилась на трамплине вышки. Через мгновение на верхотуре появилась девушка, похожая на статуэтку, настолько безукоризненны были ее формы. Длинные мокрые волосы прилипли к плечам и гибкой спине. Девушка помахала кому-то рукой, смело подошла к краю и ласточкой прыгнула в воду. Красивый прыжок, почти без брызг.

Я тут же вспомнил фотографию, принесенную мне Антоном. У меня не оставалось сомнений, что это та самая красавица из машины, погибшая жена Тимура. Значит, зовут ее Катя. Знала ли она в тот радостный момент, что ее ждет впереди? Да и старик, очевидно, не думал о приближавшейся смерти.

Камера вновь поднялась на вышку. На экране появился Тимур Аракчеев. Я его тут же узнал не только по длинным волосам, но и по выражению лица. Несмотря на дальний план съемки, этого человека ни с кем другим не спутаешь. Объяснений своим заключениям я дать не мог. Очевидно, Тимур засел в моем подсознании.

Он весело смеялся, хлопал себя по коленям, затем разбежался, прыгнул, сделав в воздухе невероятный по сложности кульбит, и, выпрямившись в струну, безукоризненно вошел в воду.

Объектив камеры вновь вернулся на вышку. И тут я напрягся. На трамплине появился Максим Круглов. Как странно смотреть на постороннего человека и понимать, что это не кто иной, как ты сам. По моей коже пробежали мурашки.

Максим, или я, не был столь веселым и храбрым. Он прыгнул в воду, сделав в воздухе сальто, но грохнулся в бассейн неудачно. Мне стало обидно. До своего друга по части ловкости ему было далеко, но он упорно не желал ему ни в чем уступать, и это чувствовалось.

Неизвестный оператор вновь вернулся к хозяину торжества. Возле него уже суетился сын, разливая напитки в фужеры, а Екатерина сидела у старика на коленях, обняв его за шею. Меня эта картина немного покорибила. Слишком распушенно и фамильярно она вела себя. И если вспомнить рассказы Антона, Аракчеев-старший должен ненавидеть невестку сына. Другое дело, что во время съемки в те дни, отец еще не знал о намерениях сына жениться на пустышке и не воспринимал ее всерьез.

И вот к берегу подплыл я и выбрался на кафельное покрытие. Тимур тут же подал мне бокал с красным вином. Мы столпились вокруг старика и начали что-то петь. Именинник чувствовал себя на седьмом небе от счастья.

Моя фигура оказалась спиной к объективу, и я обратил внимание на кривую темную полосу на своем плече. Камера немного приблизилась к веселой компании, но я в это время развернулся. Эта странная полоска меня заинтересовала. Я встал, остановил магнитофон и отмотал пленку назад. Поймав нужный кадр, я нажал на паузу и кнопку «приближение», максимально увеличив изображение. Встав вплотную к экрану, я начал разглядывать собственное плечо. Сомнений не оставалось: я видел отчетливый шрам сантиметра в четыре, а то и в пять над лопаткой. Он имел форму ветки или рогатки, с раздвоением кверху. И это не царапина, а самый что ни на есть глубокий застарелый шрам, отметка, от которой невозможно избавиться так просто.

Меня бросило в дрожь. Несколько минут я разглядывал экран, а потом выключил аппаратуру и вернулся в спальню. Где-то здесь должно быть зеркало.

Вдоль левой стены тянулся шкаф с несколькими дверцами. Я начал их открывать одну за другой. Мне повезло. Я скинул пижамную куртку едва не порвав ее, и встал спиной к отражению.

На моем теле осталось немало следов от ожогов, тонкая розовая кожа морщинилась, но на теле не было ни одного шрама. Как я ни вертелся, но ничего похожего не нашел. Вряд ли пересадка кожи могла скрыть подобное уродство. Меня обуяла злость, чувство еще не посещавшее меня ни разу. Я пнул дверцу ногой с такой силой, что в шкафу что-то упало от удара. Я вновь открыл створку и увидел на дне шкафа вешалку с костюмом. Я поднял его и повесил на место. На дне осталось еще что-то. Я нагнулся и взял предмет в руки. Очевидно, он выпал из кармана. Им оказался блокнот, а точнее, обычная записная книжка из плотной кожи.

На первой странице стояло имя «Тимур Аракчеев», далее строчка «Кто найдет, получит вознаграждение», после чего стоял номер телефона.

Я пролистал книжку. Каждая страница пестрела именами и телефонами. Тут же лежала фотография Кати. Ею можно любоваться сколько угодно. На обратной стороне надпись: «Милому и любимому муженьку от его Киски». Судя по надписи и по тому, что он носил снимок с собой, они любили друг друга. И вдруг убийство! Я видел убийц в кино, возможно, актеры утрировали образ злодеев, но Тимур никак не ассоциировался с человеком, способным на зло. Он имел все, что душа пожелает, жил в свое удовольствие, его любили женщины, и вдруг?...

Среди страниц я нашел еще две бумажки. Одной из них оказалась квитанция камеры хранения, правда, не указывалось, где она находится; на полях второго листка размером со спи-

чечный коробок, оторванного от газеты, красным карандашом было нацарапано число 3216. Тут еще заваялся ресторанный счет на сумму 465 долларов из ресторана «Седьмое небо». Судя по блюдам, обедали вдвоем. Значилось число 23 июня. Зачем он сохранил этот счет, не ясно.

Я положил записную книжку на ночной столик и осмотрел другие карманы. В шкафу висело по меньшей мере костюмов двадцать. Из каждого я выгребал всякую мелочь. Сигареты «Кент», зажигалки, деньги. Много это или мало – не знаю, но долларов триста наскреб. Товарные чеки, зубочистки, жвачки, несколько авторучек. Самой удачной находкой, безусловно, была записная книжка. Вопрос в другом. Зачем она мне нужна. Адреса и телефоны, хранившиеся в ней, ничего для меня не значили, имена тоже. И все же я решил оставить ее при себе. Так, на всякий случай.

В данный момент меня беспокоил совсем другой вопрос. Куда подевался мой шрам?

Ломая себе голову, я подошел к окну. Небо озарялось пламенным рассветом.

Макушки деревьев сверкали огненными бликами. Выходило солнце. Часы на камине отстукали семь раз. В эту ночь мне так и не удалось заснуть.

К новому месту придется привыкать не один день. Рано или поздно, но все встанет на свои места. Перемены дали мне возможность понять, что такое одиночество. Это слово я слышал слишком часто, но не мог определить его значения. Возле меня постоянно кто-то находился, и, оставшись один на один с собой, я ощутил свою неприспособленность и даже страх. Может быть, меня специально хотели напугать? Но кому нужны такие эксперименты?

Я смотрел на цветочную клумбу и думал. И мне вдруг показалось, будто у края памяти цветы. Только вчера я любовался их безукоризненной красотой, а теперь...

Мне пришлось затратить немало времени и сил, чтобы переодеться – самая неприятная процедура, доставляющая не только неудобство, но и боль, когда одежда ерзает по коже.

Спустившись вниз, я прошел по дорожке, посыпанной битым кирпичом, к клумбе и отчетливо увидел памятные цветы, а рядом на рыхлой земле – след от мужского ботинка с глубоко рифленой подошвой.

Значит, ночной кошмар мне не привиделся и кто-то в действительности пытался проникнуть в мою комнату. Мистика, да и только. Никакой логики.

– Вы любите цветы? – услышал я голос за спиной.

В паре метров от меня стоял Эрик, показывая мне свои щербатые зубы. Он держал руки в карманах и ухмылялся. Отвратный тип.

– А разве ты не в курсе, что я люблю, а что нет?

– С чего бы? Я вас никогда не видел. Меня наняли неделю назад. Откуда мне знать ваши привязанности?

– Вот оно что! Странно. Кто же работал до тебя?

– Какой-то Ефим Никитин. Я его никогда не видел. Дом пустовал три месяца. Участок мне показывал Антон Романыч, он же нанимал меня и определял фронт работы.

– А почему уволился Ефим?

– Этого я не знаю. Кухарка здесь тоже была другая. Очевидно, им не хотели платить за простой. Дом был опечатан.

– Где же тебя выкопали, и чем ты лучше Ефима?

– Я работал официантом в кабаке, там меня ваш друг и приметил. Поговорил с начальством, а потом предложил мне работу. Я и таксистом был, и лесорубом, и силенка есть. Со мной безопасно.

– Не уверен. Телохранитель из тебя паршивый.

Я ткнул ему пальцем в след на клумбе.

– Извините за неаккуратность. Дело исправимо. Случайно наступил.

– Не валяй дурака, Эрик. Твои кроссовки на два размера меньше. Оставь след рядом с этим.

Он повинился. Разница бросалась в глаза. Следы не имели ничего общего ни по величине, ни по рисунку отпечатка.

– Что скажешь?

Он промолчал.

– Будешь работать так же, пойдешь вслед за Ефимом. А теперь иди готовь машину. После завтрака проедемся по городу.

– Да, но Антон Романыч не велел.

– Запомни, Эрик, ты работаешь на меня и других хозяев у тебя нет. Мое слово для тебя закон. Заучи это раз и навсегда.

Из-за его плеча я увидел, как по аллее по направлению к дому идет Элина Львовна. Я дождался, пока она приблизится, и мы поздоровались.

– Сделайте мне завтрак, кофе заварите покрепче.

– Хорошо. Извините, я не знала, что вы так рано встаете. Вы куда-то уже ходили?

– Что вы имеете в виду?

– Калитка не заперта. Я достала ключи, а она открыта.

Я глянул вслед уходившему Эрику.

– Скажите, Элина Львовна, вы давно здесь работаете?

– Пятый день.

– А кто работал до вас?

– Я не знаю. Возможно, Дуся знает. Она из нашей деревни. Ее изредка приглашали помыть окна в доме. Она видела прислугу. Очевидно, кто-то ее рекомендовал. Не сама же она напросилась. Тут людей с улицы не берут.

– Вас нанимал Антон Романыч?

– Да. Он заходил в нашу школу и разговаривал с директором. Просил порекомендовать грамотную, интеллигентную, работающую женщину. Кажется, я попала под эту категорию.

– А как мне найти эту Дусю?

– Пройдете тропинкой через лес, пересечете поле, и там наше село Карачаево. Ее дом третий справа. Вы не ошибетесь, узнаете по синему заборчику.

Она все дни за домом на огороде картошку выкапывает. В этом году у нас поздний урожай. Я поднялся к себе. В коридоре мне на глаза попала ваза. Точнее, их здесь хватало, но возле одной на ковровой дорожке лежала отколотая фарфоровая ручка.

Значит, ночью мне не послышалось. В коридоре было темно, и незваный гость наткнулся на препятствие. Его спугнул свет, появившийся в щели под дверью, и он сбежал. А если бы я не включил лампу? Чепуха какая-то.

Когда я спустился к завтраку, в холле меня ждал молодой человек приятной наружности с кожаной папочкой в руках. Увидев меня, он встал и улыбнулся.

– Доброе утро. Моя фамилия Ларионов. Я из страховой компании.

Он достал из бумажника визитную карточку и протянул мне. Я ее прочел и машинально сунул в карман.

– Слушаю вас.

– Мы получили счета из больницы на очень круглую сумму. Мне хотелось бы уточнить некоторые детали. Вы провели в частной психиатрической клинике полтора месяца. Диагноз нам известен. Скажите, а почему вы лечились именно в этой больнице?

– Понятия не имею. Когда я пришел в себя, то уже находился там. Меня никто не спрашивал. Вам надо обратиться к моему адвокату Гольдбергу Антону Романовичу.

– Пытались. Согласно страховке, вы можете лечиться где угодно. Нас, что называется, здорово потрянуло. Ваша жизнь застрахована на очень солидную сумму. После автокатастрофы

мы понесли огромные потери. Сначала ожоговый центр, потом шесть пластических операций и, наконец, психиатрическая больница. Вам надо оформить инвалидность и получать пенсию, но адвокат отказывается направлять вас на комиссию, заверяя, что вы трудоспособны и в ближайшее время приступите к работе. Одно с другим не вяжется. Как вы можете руководить крупной нефтяной компанией, если не можете понимать сути вопроса?

– Врачи уверяют, что память восстановится. Сейчас я чувствую себя вполне прилично. Не уверен, что способен руководить компанией, но прогресс налицо. Извините, но я же не специально попал в аварию. Так сложились обстоятельства.

– Возможно. Мы с нетерпением ждем результатов расследования.

– Что это значит?

– То, что если авария произошла по вашей вине, то страховой полис аннулируется, и вы должны возместить убытки страховой компании. Но дело настолько запутано, что рассчитывать на скорые результаты невозможно. Представьте себе, что вы решили покончить жизнь самоубийством таким образом? Вариантов может быть много.

– Я вам сочувствую. Но когда вы меня страховали, очевидно, удостоверились в моем психическом состоянии. Нормальные люди не кончают жизнь самоубийством при полном благополучии и здоровье.

– Да, мы запрашивали вашу историю болезни и консультировались с лечащим врачом. Он опроверг наши подозрения и уверяет, что вы совершенно здоровы.

– О каком враче идет речь?

– Вы прикреплены к ведомственной поликлинике при депутатском корпусе, что находится на Неглинке! Короче говоря, бывшая Кремлевка. Ливанов очень компетентный врач, и мы не можем не доверять ему.

– Скорее всего, так. Мне жаль, но никакого злого умысла я не преследовал. Странно другое, компания сама могла оплатить лечение, да и на моих счетах, как я знаю, достаточно средств.

Молодой человек улыбнулся.

– Так не бывает, Максим Алексеич. Чем больше человек имеет денег, тем осмотрительнее он их тратит. Зачем лезть в свой карман, если существует кошелек страховщика. Но мы тоже не любим нести потери и активно участвуем в следствии.

– Удачи вам. Извините, но у меня стынет завтрак.

Станный визит. Я так и не понял, что хотел от меня страховой агент? Познакомиться? Вряд ли.

После завтрака я вышел из дому и прошелся по участку в поисках гаража.

Ухоженный сад, подстриженный кустарник, клумбы с цветами. Трудно поверить, что участок пустовал большую часть лета. Если верить нынешней прислуге, то всех их предшественников уволили, как только опечатали дом, а этих наняли на днях.

Неужели Антон пожалел денег и не мог оплатить им вынужденный отпуск? Смена прислуги меня беспокоила. Меня все раздражало, что не имело под собой логических объяснений. Доктор Розин внушал мне, что все и всегда подчиняется логике, кроме патологии.

Антон не походил на параноика. Этот человек продумывает все до мелочей на несколько ходов вперед. Я ему верил, и не понимал, какой ему смысл вводить меня в заблуждение. Какая ему от этого польза?

Наконец-то одна из аллей вывела меня на открытую площадку. Очень симпатичный двухэтажный домик, выкрашенный зеленой краской, сливался с зеленью елей. Первый этаж занимал сам гараж. Трое ворот распахнуты настежь, второй этаж жилой, судя по цветастым занавескам. В гараже могло разместиться машин пять, но, подойдя, я увидел всего две.

Эрик протирает стекла белого «мерседеса». Машина мне очень понравилась. Двухместная, обтекаемая, с дополнительными фарами, низкой посадкой. Таких я даже в кино не видел.

В стороне стояла потрепанная колымага.

– А это что за драндулет? – спросил я. Эрик оглянулся.

– Каждый имеет то, на что заработал. «Девятка» моя. Только зря вы к ней относитесь с пренебрежением. Я с ней изрядно повозился и скажу вам, что моя тележка не хуже вашей. Инжектор, шестнадцать клапанов, новая резина «нокия». Зверь, а не тачка. Заводится с полтычка и летит как ласточка.

– Извини, что обидел твоего железного коня. И все же в город мы поедem на моей машине. – Я сел рядом с водительским креслом. – Поехали в Москву. Мне нужна депутатская поликлиника на Неглинке. Найдешь?

– А что ее искать. Известное заведение. Я же бывший таксист. Если заблудимся, то в бардачке лежит подробная карта города и области.

Мой новый шофер включил двигатель и тронул машину с места. Я этого даже не почувствовал, словно сидел на домашнем диване.

– Сильно не гони. У меня голова кружится от мелькания предметов перед глазами.

Мы выехали за ворота, миновали пролесок и вскоре выехали на шоссе.

– Ты работал таксистом, а до этого? Где твоя жена?

– С такой работой трудно иметь семью. В Москву я приехал из Челябинска десять лет назад. Вообще-то я детдомовский. Служил в Афгане. В Москве устроился по лимиту в таксопарк, жил в общежитии. Девчонок хватало, но кто пойдет за парня без крыши над головой? Им всем принцев подавай. А те, кто согласились бы, они мне и задаром не нужны. Короче, на квартире мне жениться не удалось. Официантом работал. Жил с одной вдовушкой последние пару лет. Но она старше меня на восемь лет, и требования у нее слишком завышены. Посмотрела бы на себя в зеркало. В общем-то я рад, что удалось от нее избавиться. Надоела мне вся эта суета. Одному спокойнее. Сам себе хозяин.

– Вот тут ты не прав.

– Почему? Вы человек уравновешенный, с вами не устаешь.

Спустя час машина остановилась у высокого серого здания. Эрик указал мне на огромный подъезд с тяжелыми дверями и ручками под ладонь Кинг-Конга. Никаких табличек.

Я направился в мрачное заведение. Кругом мрамор, идеальная чистота и много света.

В дверях меня остановил охранник. Их было четверо, да еще турникет.

– Ваш пропуск, пожалуйста.

– Мне нужно попасть к доктору Ливанову. Я из страховой компании. Речь идет о его пациенте, который попал в аварию.

На всякий случай я показал ему визитную карточку своего утреннего гостя.

Это была моя первая ложь в новой жизни. Но цель оправдывает средства, как говорил герой одного из фильмов.

Меня сопровождали в регистратуру, откуда позвонили в кабинет врача, и он согласился меня принять. Охранник довел меня до лифта с лифтером, и я поднялся на третий этаж. Больше всего поразило безлюдье. Если мне и встречались живые существа, то только в белых халатах и в большинстве своем мужчины.

На сорок шестом кабинете висела табличка: «Ливанов Андрей Константинович».

Я постучал и вошел.

Хозяин кабинета, очень солидный господин в белоснежном накрахмаленном халате, бросил на меня мимолетный взгляд и глянул на настенные часы.

– Больше трех минут уделить не могу. Кажется, я дал вам все сведения, которые вы запрашивали.

– Две детали, доктор. Мы ведем собственное расследование. Слишком большие денежные потери несет компания. Вопрос первый. У Максима Круглова имелись особые приметы?

– Не понимаю. Что вы имеете в виду?

– К примеру, шрамы, родимые пятна.

– Ах, вот оно что. Да, можно сказать, были. Шрам над правой лопаткой. Раздвоенный, сантиметров в шесть. История его появления мне не известна.

– Такой шрам можно удалить путем пластической операции?

– Нет, не думаю. Новое мясо не нарастишь, а он был достаточно глубок.

Я достал из кармана фотографию, принесенную мне Антоном в больницу, сделанную во время свадебного путешествия.

– На этом снимке есть Максим Круглое? Он глянул на карточку и указал на блондина с короткой стрижкой, сидящего на капоте.

– Вот он. Так в чем ваша проблема?

Я забрал снимок.

– Извините, доктор, три минуты истекли.

Я вышел из кабинета и почувствовал испарину на лице и это при том, что все помещения были оборудованы кондиционерами.

Я не получил ответа на главный вопрос: кто я? У Максима Круглова был шрам, не подлежащий выведению, у меня шрама нет, и даже намек на него не осталось.

Где же зарыта собака? Где таится фальшь?

Эрик расхаживал вдоль машины, дымя сигаретой. Заметив меня, он профессиональным жестом открыл дверцу и посторонился.

– Поедем домой, – буркнул я, усаживаясь на свое место.

Еще час дороги и сплошной путаницы в голове.

Не доезжая до коттеджа, я попросил шофера остановиться и вышел.

– Езжай дальше один, я пройду пешком. После обеда опять поедем в город. Никуда не отлучайся.

Я видел его недовольство и растерянность. Не оставалось сомнений, что Антон дал ему жесткие инструкции в отношении меня, но спорить со мной он не решался.

Как только машина уехала, я нашел ту самую просеку, о которой мне рассказывала Элина Львовна и пошел в поселок за лесом.

Как меня и предупредили, Дуся я нашел в огороде. Высокая сухопарая женщина, смуглая от загара, с морщинистым лицом и выцветшими глазами.

– Добрый день. Я не знаю вашего имени, отчества...

– Дуся. Меня все так называют.

– Хорошо, Дуся. Я новый хозяин коттеджа, где вы мыли окна.

– Нужна помощь? Нет проблем.

Она отставила лопату в сторону и пригласила меня в дом.

Окошки маленькие, и света явно не хватало. Но при тесноте тут чувствовалась ухоженность и уют. Мы присели за стол.

– Хотите чаю?

– Спасибо, но я питаюсь строго по режиму. Меня интересует старая прислуга. Дело в том, что они, как я слышал, хорошо справлялись со своими обязанностями и отлично знают и дом, и участок. У меня возникла идея найти их и позвать обратно. Можете помочь?

– Идея хорошая, но вряд ли я смогу вам помочь. Вы правы, люди они работающие, но я и не знала, что дом продали, а их уволили.

– А что вы скажете о бывшем хозяине?

– Я его никогда не видела. Меня приглашали, когда он был в отъезде. Со мной расплачивалась Дина Борисовна, домоправительница. Знаю, что она живет в Москве и раньше работала главным бухгалтером в Смоленском гастрономе. Считать умела и хозяйство вела правильно. Строгая женщина, но справедливая. Ирочка работала горничной и подавальщицей. Молоденькая девушка лет двадцати. Ну просто куколка и очень скромная. Говорочек у нее хохляцкий.

Кажется, она приехала из Крыма. Но в Москве ей помогли купить однокомнатную квартиру. На какие шиши, понятия не имею.

– А где?

– В новостройках. По-моему, в Бутово.

– Как ее фамилия?

– Кажется, Новикова. Она мне диплом торгового техникума показывала. Хвасталась.

Одни пятерки.

– Кто еще работал в коттедже?

– Ефим. Шофер. Боевой парень. Он все время находился с хозяином. И вел себя как хозяин. Обедал в столовой, а не на кухне, и спальня у него была на хозяйском этаже. Они вроде друзьями были. Так что Ефима я видела один раз.

– А кто же жил над гаражом?

– Садовник. Тихон. Мой ухажер. Вдовец. Военный в отставке. Вот о нем я кое-что знаю.

В гостях у него была на дне рождения. Он живет в красном доме напротив метро «Багратионовская». Там один такой дом. Самый правый подъезд, второй этаж и квартира тоже справа. Что касается других, то ничего сказать не могу.

Все, что она мне рассказала, я записал в телефонную книжку Тимура, которую таскал с собой.

– Не густо, конечно. Но попытаюсь их разыскать.

– Вам бы Дину Борисовну найти. Она о каждом все знает.

– Вы не знаете ее фамилию?

– Нет. Кто же такую даму будет по фамилии называть? Перед ней все трепетали, кроме Фимки, конечно, тот мог и прикрикнуть. Знамо дело, близкий друг хозяина.

– Вот-вот, и вдруг увольняют.

– Может быть, он остался со старым хозяином? Ведь вы же недавно дом купили?

– Похоже на правду. Очевидно, Ефим остался с настоящим хозяином.

Дуся ничего не поняла. Ей и не надо ничего понимать, а вот мне не мешало бы разобраться во всей этой мешанине.

Я поблагодарил ее и ушел. Возвращаясь домой, я не мог, отделаться от ощущения, будто за мной наблюдают. Мне только навязчивых идей не хватало, тогда можно возвращаться к доктору Розину с новым диагнозом.

Вернувшись домой, я увидел еще одного гостя. Меня сегодня атаковали, впрочем, и я не скучал в своих путешествиях.

Молодой парень, лет двадцати с небольшим, ждал в холле. Как выяснилось, он привез компьютер, и они с Эриком уже отнесли технику в мой кабинет. Осталось все подсоединить и установить программное обеспечение. Мы поднялись наверх, и я с любопытством наблюдал, как он все делает.

Потом мне на выбор предложили разные игрушки. Они мне все понравились, и их загнали в компьютер.

– А вам базы данных нужны? – спросил молодой человек таинственным голосом, словно раскрывал военную тайну.

– Что это такое?

– Ну вот, к примеру. Вашу шикарную машину поцарапал какой-нибудь «жигуленок» и скрылся, но вы запомнили номер. Набираете его номер в базе данных ГАИ и получаете все сведения о владельце машины.

– Любопытная штука. А если мне человека найти надо по имени?

– Есть база «прописка». Там все, кто прописаны в Москве и база БТИ, где значатся владельцы квартир.

– Ну что же, устанавливайте и научите меня ими пользоваться.

– Мне оплатили доставку и установку того, что я привез. Но эти базы ворованные, понимаете. Они дорого стоят. Неофициально. Понимаете?

– Не очень. Что от меня требуется?

– Заплатить. Каждая база стоит сто долларов.

– Понятно. Погодите минутку.

Я отправился в свою спальню и выгреб все деньги из карманов костюмов, висевших в шкафу, после чего вернулся обратно.

– Триста долларов хватит?

– Вполне. За оптовую, серию я вам бесплатно поставлю последнюю версию телефонного справочника. Останетесь довольны.

В течение часа все программы были установлены и меня научили ими пользоваться.

– Теперь вы без труда можете разыскать любого человека и узнать о нем все подробности, – с гордостью заявил парень.

– Вы появились как нельзя вовремя.

Мне кажется, он остался довольным в большей степени, чем я.

После его ухода я сделал несколько попыток найти кого-нибудь. Своего адвоката я нашел тут же. Антону Гольдбергу пятьдесят три года и он имеет «Ауди-80». Ничего нового я о нем не узнал. Адрес, телефон, номер машины, паспортные данные. Все эти данные меня не интересовали. Из списка бывшей прислуги мне никого найти не удалось. Чего-то не хватало. Так, в районе Бутово жило четырнадцать Ирин Новиковых в возрасте от девятнадцати до двадцати двух лет. Но я нашел человека, место жительства которого мне описала Дуся. У метро «Багратионовская» жил садовник Тихон, и его найти не трудно. Имелся еще один вариант. Бывшая экономка. Я позвонил в Смоленский гастроном и сказал, что мне срочно нужно поговорить с бухгалтером Диной Борисовной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.